

ДРОНГО
НАЧИНАЕТ
И ВЫИГРЫВАЕТ

Чингиз Абдуллаев

*Его не зря столько
лет учили в
разведшколах.
Его научили
принимать решения
в экстремальных
ситуациях. Если он
все рассчитает
правильно,
можно надеяться
на спасение.*

Идеальная
мишень

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Идеальная мишень

«PEN-клуб»

1999

Абдуллаев Ч. А.

Идеальная мишень / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
1999 — (Дронго)

Счет идет на недели, затем – на дни. Если Дронго не сумеет отыскать в одной из Европейских стран сбежавшего директора нефтяной компании «ЛИК», то рассыплется с таким трудом собранное прокуратурой дело о колоссальных хищениях. К тому же за директором «ЛИКа» охотятся две конкурирующие группы уголовников. Но Дронго, расставив всех участников драмы подобно фигурам на шахматной доске, начинает разыгрывать партию. Начинает черными и...

© Абдуллаев Ч. А., 1999

© PEN-клуб, 1999

Содержание

Начало	5
Часть 1	8
За десять месяцев до начала	8
За девять месяцев до начала	11
Берлин. 10 июля	13
За несколько дней до начала	18
Начало	26
За несколько дней до начала	30
Начало	36
За несколько дней до начала	41
Начало	44
За несколько дней до начала	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Чингиз Абдуллаев

Идеальная мишень

Ибо вы пойдете неторопливо и не побежите; потому что впереди вас пойдет Господь, и Бог Израилев будет стражем позади вас.
Исайя, 52:12

Господи! Путеводи меня в правде Твоей, ради врагов моих; уравни предо мной путь Твой.
Псалтирь, 5:9

Начало

Москва. 12 апреля

Я слоняюсь по магазину, стараясь не обращать внимания на этих двух типов, — назойливая парочка то и дело попадалась мне на глаза. В какой-то момент мне даже стало обидно: неужели я не заслужил ничего поприличнее этих дилетантов, которые боятся меня потерять даже здесь, в охраняемой зоне международного аэропорта? Прилепились ко мне как приклеенные. Потом я увидел третьего. Вернее, я его вычислил. Судя по тому, как эти двое нервно оглядывались по сторонам, было ясно, что они выполняют роль «дурачков», усердно стараясь обратить на себя мое внимание. А вот тот, третий, он явно классом повыше. Сидит в кресле, спиной к магазинам, и делает вид, что читает газету. И все было бы отлично, если бы не демонстрация абсолютного спокойствия. Даже когда рядом заплакал ребенок, он не повернул головы, словно ничего не слышал. Только однажды чуть наклонился, ничем, правда, не обнаруживая своего интереса, когда мимо него прошел один из «приклеившихся» ко мне субъектов, но именно в это мгновение я понял, что вместе со мной в Амстердам полетит именно он — широкомордый незнакомец.

К этому времени мне было уже все равно, кто именно полетит и сколько их будет. Я уже знал, что в самолет войду не один. Самый легкий и самый тяжелый выход из создавшегося положения. Легкий потому, что мне нечего опасаться, хотя бы в самолете, а тяжелый... Ну это особый разговор. Если бы со мной никто не сел в самолет, я бы очень удивился. Вернее, не так... Я бы расстроился. Нет, я бы огорчился. Да, да, именно огорчился. Если бы вдруг мои преследователи не проявили пристального интереса к моей персоне — это было бы странно.

Два типа кружились вокруг, явно не зная, что им еще делать. Задания на мою ликвидацию они не получали. Это было понятно еще до того, как я появился в Шереметьеве. Если бы меня не хотели выпускать за рубеж, вполне могли бы перехватить до того, как я приехал в аэропорт. Или хотя бы не допустить до пограничников. После того как мне проставили в паспорте разрешение на выезд, убийство автоматически становилось делом весьма нерентабельным. Пришлось бы объяснять целой ораве пограничников, таможенников и сотрудников аэропорта, как могло получиться, что в абсолютно закрытую международную зону аэропорта проникли убийцы с оружием в руках.

Я уверен, что у них есть оружие. И нисколько не сомневаюсь, что при желании они бы нашли и убили меня даже в этой «ничейной» зоне, куда могут проникать только пассажиры, вылетающие за рубеж. Как им удалось пронести оружие на столь сурово охраняемую территорию? Я даже не хочу думать об этом. Конечно, им помогли. Конечно, у них повсюду свои, купленные люди. Верить в честность наших таможенников либо пограничников может только идиот. После августовского кризиса в нашей стране не осталось людей, даже притворяющихся

честными. Все остатки нравственности слопал этот проклятый кризис. Теперь каждый выживает в одиночку. Если раньше цена совести еще могла колебаться в пределах нескольких сотен долларов, то теперь у совести вообще не осталось цены. За несколько сот долларов на борт можно пронести все, что угодно. За тысячу они вам еще укажут нужный объект. А за сумму сверх этой любой подготовленный сотрудник сам еще и уберет нужного человека. Это наши реалии.

Только не нужно спешить меня опровергать. Вы сейчас будете доказывать, что у нас еще встречаются честные пограничники и порядочные таможенники. Действительно, встречаются. И даже бывают иногда мужественные офицеры милиции, в одиночку сражающиеся против мафии. Бывают. В кино и в книгах. А в реальной жизни у каждого из таких «героев» есть семья, которую нужно кормить. И есть дети, которым нужно дать хотя бы какое-то образование. И есть жена, которая должна выглядеть не хуже своих подруг. Иногда у них случаются и старики-родители, которых тоже нужно кормить и лечить. Если в этих условиях офицер милиции пошлет всех к черту и откажется от взятки, часто превышающей его заработок за десять лет, значит, у него не все в порядке с головой. Таких кретинов в милиции не держат. Я уже не говорю о таможенниках, которые чувствуют деньги шестым чувством и чаще всего занимаются обычным вымогательством. Порядочные люди иногда попадают среди пограничников, но не потому, что они лучше остальных. Просто в отряд изредка берут людей со стороны, провинциалов, мечтающих устроиться в столице, молодых ребят и девушек, у которых сохранились иллюзии, нерастроченные идеалы. Эти славные парни и девушки бывают честными, но ровно до того момента, пока им не предложат вдруг очень большую, ошеломительную сумму. Отказаться – значит, кроме всего прочего, выглядеть болваном в глазах своих коллег. Болваном никто не хочет быть, и в результате – бывший молодой провинциал уже через несколько месяцев превращается в наглого столичного вымогателя.

Представляю, с каким возмущением готов опровергать меня кто-то из руководителей этих служб. Но опровергать не нужно. Достаточно выйти из здания аэропорта и посмотреть на припаркованные машины таможенников и сотрудников аэропорта. Если кто-нибудь сумеет хотя бы приблизительно прикинуть, сколько стоят новые иномарки, и посчитать, можно ли их купить на мизерную зарплату всех перечисленных должностных лиц, я согласен взять свои слова обратно. Но так как сию задачу не решит ни один экономист, то получается, что моих преследователей либо просто пропустили через границу без всякого контроля, либо, что еще хуже, у них есть право проникать за эту границу. Может быть, у них даже имеются поддельные удостоверения сотрудников спецслужб. Хотя скорее всего удостоверения у них даже настоящие – достаточно понаблюдать, как нагло и бесцеремонно они действуют. Им просто нравится демонстрировать свою власть. Увидев их, я должен испугаться. Вполне вероятно, что это тоже входит в их задачу. Они выставляют напоказ свои возможности. Чтобы я понял, с кем имею дело. И не колебался, когда мне придется рисковать. Они ведь знают, что я человек подготовленный. Значит, весь расчет на это – мой профессионализм и подчинение их силе.

Но я не пугаюсь. Меня вообще теперь невозможно ничем испугать. После всего пережитого я сознательно сделал свой выбор. Я, Эдгар Вейдеманис, бывший подполковник КГБ, бывший офицер, бывший коммунист и бывший гражданин Советского Союза, ныне гражданин России, получивший гражданство только два месяца назад. Теперь я неудачливый бизнесмен, который каким-то образом сумел получить сначала гражданство, потом заграничный паспорт и визы для выезда за рубеж, нашел даже нужную сумму денег на путешествие. Я помню, конечно, кто и зачем дал мне все это, об этом знают и мои «наблюдатели».

И им должен быть известен мой дальнейший маршрут. Судя по тому профессионалу, который сидит в кресле и продолжает вот уже целых двадцать минут читать одну и ту же страницу газеты, им известно почти все. И этот тип убежден, что я буду вести себя хорошо. Иначе бы меня не выпустили из Москвы. Иначе меня остановили бы на границе. Но раз все формаль-

ности позади – значит, ничего уже нельзя изменить. Я лечу в Амстердам. А вместе со мной и этот широколицый истукан, упрямо сидящий ко мне спиной. И не он один. Если я все правильно рассчитал, то в самолете должен быть еще один «наблюдатель». Их обязательно должно быть двое, чтобы подстраховывать друг друга. Как минимум двое. Впрочем, может быть и трое. Судя по всему, денег не пожалеют. Со мной пошлют «лучших людей», и с таким расчетом, чтобы те сели на меня основательно.

В тот момент, когда наконец объявили посадку, мои явные «наблюдатели» засуетились. Один побежал к «читателю», второй бросился к двери из «накопителя», словно опасаясь, что я передумаю лететь. Люди не торопясь выстраивались в очередь, терпеливо ожидая разрешения на посадку. Я встал в самый конец и скорее почувствовал, чем увидел, как за моей спиной, третьим или четвертым, становится Широкомордый – уж он-то точно полетит со мной. За ним встала в очередь какая-то дамочка с нервно дергающимся личиком.

«Интересно, есть ли у него оружие?» – подумал я. А если есть, то как он пронесет его в самолет? Или он уже сдал его в багаж, справедливо полагая, что на борту самолета нужно проявлять осторожность. Впрочем, это не его, а моя забота. Это мне нужно быть осторожным, ведь это мое путешествие может прерваться в любой момент. Да в любую секунду. Возможно, Широкомордый уже получил приказ, когда именно меня убрать. Ведь он почти наверняка профессиональный убийца. Может случиться, что мой первый день в Амстердаме станет моим последним днем. Я сделаю свою работу, и меня тут же убьют. Впрочем, не нужно загадывать. Я ведь сознательно сделал свой выбор. Я осознанно пошел на риск. Самое главное, чтобы убийцы всегда находились у меня за спиной. А я – у них перед глазами. Как реальная мишень, в которую нужно целиться. Как идеальная мишень, которая не имеет права исчезать. Моя задача подставиться, может быть, даже под их ножи и пистолеты. Занять их внимание. Или, если угодно, вызвать гнев. С этой секунды я становлюсь идеальной мишенью, и моя единственная задача – оставаться таковой в течение всего путешествия. Несколько дней или недель, пока я не найду нужного человека. Нужного... Впрочем, расскажу все по порядку... С самого начала...

Часть 1

За десять месяцев до начала Москва. 27 июня

Водитель сидел в машине, терпеливо ожидая, когда выйдет «хозяин». Служебная машина приезжала за ним точно в половине девятого утра. От дома до министерства не больше двадцати минут езды, но он считал, что нужно выходить именно в половине девятого, чтобы не опаздывать на работу.

Рашит Ахметов был заместителем министра уже второй год. Вообще в министерстве работал больше семи лет, пройдя путь от ведущего специалиста до заместителя министра. Грамотный, толковый, хорошо говоривший по-русски, он довольно успешно делал карьеру. К сорока двум годам, когда министр предложил ему пост заместителя, Ахметов стал не просто одним из лучших специалистов в Минтопэнерго, его уважали сотрудники за удивительную работоспособность и даже самоотверженность в работе. Министр знал, что среди его заместителей Ахметов был тем, кого принято стало называть трудоголиком. Кроме того, он обладал ровным, спокойным характером, выдержанностью, имел репутацию довольно осторожного человека.

И все же «идеальный» Ахметов владел двумя иномарками, большой двухэтажной дачей, стоимость которой превышала его зарплату в министерстве за сто лет безупречной службы, имел пятикомнатную квартиру в городе. Но в Москве на такие «мелочи» уже давно не обращали внимания. Каждый устраивался как мог, и каждый жил по своему разумению. Никому даже в голову не приходило, что ответственным правительственным чиновникам следовало бы жить поскромнее, соизмеряя свои расходы с доходами. Общая атмосфера безнравственности и вседозволенности, установившаяся в девяностых годах, стала нормой жизни для руководителей всех рангов.

...Ахметов вышел из дома, держа в руках большой темный портфель, когда-то подаренный ему в Словакии. Сев в машину, он хмуро кивнул водителю и коротко бросил:

– На работу. – По дороге он обычно просматривал утренние газеты, купленные водителем. Ахметов не любил терять времени, справедливо полагая, что на работе нужно заниматься исключительно делами.

Уже подъезжая к зданию министерства, он почувствовал какое-то неудобство. Может быть, опять слишком сильно накрахмален воротничок. Сколько раз говорил жене, чтобы следила за рубашками, которые привозят из прачечной. Он повертел шеей, чуть ослабил узел галстука. Выходя из автомобиля, машинально кивнул водителю, оставив газеты на заднем сиденье. Все сотрудники знали, что заместитель министра – строгий руководитель, не допускавший панибратства. С портфелем в руке он прошел к кабине лифта. Поднявшись на свой этаж, прошел в приемную, где его уже ждала секретарь. Она знала, что первые несколько минут шефа нельзя беспокоить. Он должен пройти в свой кабинет, устроиться, просмотреть бумаги и только через десять минут вызовет ее для сверки графика приемов и неотложных дел на день.

Пройдя в свой кабинет, он положил портфель на стул рядом с вешалкой. Подошел к столу, взглянул на телефон правительственной связи, словно решая, стоит ли звонить прямо сейчас. Разделся, уселся в свое кресло, посмотрел на часы, подвинул папку с бумагами. В этот момент раздался телефонный звонок. Он недовольно покосился на аппарат внутренней связи. Секретарь твердо знала – в первые минуты его нельзя беспокоить. Но, возможно, приехал министр или случилось нечто непредвиденное.

– В чем дело? – спросил он недовольным голосом.

– К вам приехали... – виновато сообщила секретарь. Не дослушав ее, он поморщился. Только этого не хватало, чтобы посетители врывались так рано. Нужно увольнять эту бестолковую женщину.

– Пусть ждут, – буркнул он, но в этот момент дверь кабинета распахнулась, и порог переступили четверо мужчин. Еще не зная, кто они, он кожей почувствовал волнение, знакомое по ночным кошмарам. Но это был не сон.

– Мы из прокуратуры, – представился один из вошедших, – у нас есть ордер на ваш арест и обыск в вашем кабинете. Вы сами выдадите ценности или мы все же должны проводить обыск?

– Что? – машинально спросил он, чувствуя, что в эту секунду рухнуло все. Вся его прежняя жизнь.

– Вот ордер на ваш арест. – Руководитель группы сотрудников прокуратуры положил на стол бумагу.

– Какие ценности?... – пробормотал Ахметов, заикаясь. – У меня... нет никаких ценностей.

Руководитель группы, человек лет пятидесяти пяти, с побелевшими висками, чуть прихрамывая, прошел к его сейфу. Как глупо все получилось, подумал Ахметов. Давно нужно было забрать оттуда деньги.

В кабинет вошли секретарь и начальник управления кадров.

– Будете свидетелями. Вы можете дать ключи? – обратился сотрудник прокуратуры к Ахметову.

– Я их потерял, – выдал из себя Ахметов, все еще прикованный к креслу. Он врал, хотя уже понял, что его ничто не спасет.

– Может, они все же остались в вашем столе? – спросил сотрудник прокуратуры – помоложе.

– Их у меня нет, – ответил, все еще надеясь оттянуть неизбежное, Ахметов.

– У вас есть запасные ключи? – спросил руководитель группы у секретаря. Женщина метнула испуганный взгляд на Ахметова и покачала головой.

– Мы их потеряли несколько дней назад, – сказала она, пытаясь подыграть своему шефу. Не совсем дура, с облегчением подумал Ахметов. Зря он бывал с ней груб и несправедлив.

– Это ничего, – усмехнулся руководитель группы, – у нас есть специалисты. Капитан Торопов, вы сумеете открыть этот сейф?

Тот, кого называли Тороповым, кивнул, доставая связку ключей. Подошел к сейфу. Он возился с замком не больше минуты – и дверца громко лязгнула, открываясь.

«Ну вот и все», – обреченно подумал Ахметов.

– Ознакомьтесь, пожалуйста, – пригласил всех к сейфу старший сотрудник прокуратуры. В глубине лежали пачки долларов. Ахметов точно помнил, что там было шестьдесят тысяч. Как глупо, снова подумал он. Нужно было увезти их еще несколько дней назад. Почему он оставлял их в сейфе? Все время забывал. Он ведь взял себе за правило никогда не оставлять деньги в сейфе или дома. Дома... Если они сделают обыск на даче, то найдут еще больше. Кажется, он оставил там больше ста тысяч долларов. Черт возьми, как же все нелепо.

И, словно услышав его мысли, сотрудник прокуратуры негромко сказал:

– После обыска в вашем кабинете мы поедem на квартиру и на дачу. Вы не хотите добровольно выдать все ценности, которые мы можем у вас найти?

Ахметов хотел что-то сказать, возразить, начать спорить, возмущаться... Но он по-прежнему сидел в кресле и не мог произнести ни слова. Отныне его жизнь была разделена на две части, и водораздел проходил через этот день. Эти утренние часы двадцать седьмого июня.

«Хорошо, что часть денег я успел спрятать за рубежом, – подумал Ахметов, – жена не проболтается. Это не в ее интересах. Тем более что часть суммы переведена на ее счет, открытый в немецком банке. Господи, когда они приедут домой, с ней наверняка случится истерика».

– Мы составим протокол, – сказал седовласый, извлекая пачки «зеленых».

Ахметов вспомнил, что в портфеле у него лежат документы, от которых он хотел бы избавиться. Но теперь и это поздно. Все поздно. Документы попадут в руки сотрудников прокуратуры, и все будет кончено. Он обреченно закрыл глаза. Какая разница, думал Ахметов, немного больше или немного меньше улик. Все равно крах неизбежен. Ну и черт с ними! Ведь его арестовали наверняка с разрешения кого-либо из руководства страны. Чтобы получить санкцию на арест заместителя министра, нужно обращаться к премьеру или в администрацию президента. Значит, на самом верху принято решение о его сдаче. Значит, они решили его сдать. Пусть теперь пеняют на себя. Он не станет молчать. Расскажет обо всем. Он не хочет играть роль крайнего. Расскажет все, что знает. Ему-то терять нечего!

– Я хочу сделать заявление, – сказал он вдруг хриплым голосом, стараясь не смотреть на своего секретаря, у которой в глазах стоял неподдельный ужас.

За девять месяцев до начала Москва. 3 июля

Когда раздался утренний звонок, он посмотрел на часы. Половина восьмого утра. Интересно, кто мог позвонить так рано? Он толкнул жену, надеясь, что та возьмет трубку. Но жена, невразумительно буркнув что-то, продолжала спать. Коротко ругнувшись, Силаков поднялся и, не надевая тапочек, побежал в другую комнату к телефону.

– Слушаю, – хрипло сказал он, стараясь не выдать досады.

– Витя, это я, – услышал он знакомый голос. Силаков поежился от испуга – неужели случилось что-то серьезное?..

– Я тебя слушаю, – сказал он дрогнувшим голосом, – что-нибудь случилось?

– Случилось. Через полчаса к тебе приедет Бык. Он будет ждать тебя на улице. Нам нужно встретиться. Дело очень важное.

– Понятно.

Абонент отключился. Силаков растерянно посмотрел на телефонную трубку, которую все еще держал в руках.

– Кто звонил? – крикнула из другой комнаты жена.

Силаков молчал, глядя на телефонный аппарат.

– Кто звонил?! – еще громче крикнула жена.

– Никто. Молчи и спи, дуреха! – взвился Силаков, положив наконец трубку на рычаг. И решительно направился в ванную. Видимо, случилось нечто весьма серьезное, если сам Женя Чиряев решил ему позвонить. Неужели опять по делу Ахметова? Черт бы побрал этого татарина, не мог язык держать за зубами. Хотя у него, кажется, чисто. Силаков почесал затылок. Деньги все спрятаны, никакого компромата дома не держит, все наиболее ценное перевез к тетке за город. Там искать наверняка не будут. Документов у него нет, если будут спрашивать, он Ахметова никогда и в глаза-то не видел.

Уже кончая бриться, вспомнил, что в фотоальбоме должна быть его фотография с Раши-том Ахметовым, кажется, на каком-то дне рождения. Он торопливо вытер лицо полотенцем, побежал в комнату и, найдя фотоальбом, начал быстро листать страницы. За этим занятием его и застала жена.

– Что ты делаешь? – испуганно спросила она.

– Иди спать! – закричал он. – Убирайся, сказал ведь! Не зли ты меня.

Женщина с испугом скрылась в спальне, зная, что мужа действительно лучше не злить. Он наконец нашел фотографию и, изорвав ее на мелкие клочки, положил на столик, чтобы затем вынести вон из дома. Быстро одевшись, взглянул на часы. В запасе оставалось несколько минут. Подумав, он прошел на кухню, выпил для храбрости рюмку коньяка, закусил лимоном, поморщился и снова вернулся в столовую. Клочки фотографии лежали на столике. Он сунул их в карман, решив выбросить на улице, и вышел за дверь.

На углу соседнего дома уже стоял знакомый «Ниссан», в котором сидели два боевика Чиряева. Одного из них, Матвея Очеретина по кличке Бык, Силаков знал. Второй, очевидно, был водителем.

– Садись, – пригласил Бык, сидевший на заднем сиденье, – поехали.

– Что случилось? – спросил Силаков, усаживаясь рядом с уголовником. – Почему такая спешка? Я ведь тысячу раз просил, чтобы Чиряев не звонил ко мне домой.

– А мне откуда знать? – пожал плечами Бык. – Значит, так надо. Чиряев приказал тебя привезти, говорит, очень важное дело.

– А куда мы едем?

– За город, – успокоил его Бык, – здесь совсем недалеко. Минут тридцать езды.

– Я должен вернуться домой к одиннадцати, – Силаков посмотрел на часы. – У меня важная встреча.

– Вернешься, – успокоил его Очеретин, – я же говорю, всего полчаса езды.

Силаков успокоился и больше не задавал вопросов. Он презирал уголовников и не особенно скрывал свое отношение к этим типам, с которыми иногда вынужден был встречаться. Силаков даже не подозревал, что он никогда больше не вернется домой. И вообще больше не вернется в Москву. Через полчаса, за городом, когда машина остановится у небольшого парка, Бык пригласит его выйти и застрелит двумя выстрелами в упор, не забыв сделать контрольный выстрел в голову. Затем, забросав Силакова ветками и листвой, они уйдут. И конечно, обыщут труп перед тем, как уйти, но на клочки фотографии не обратят внимания, прихватив лишь деньги и документы.

Но если для Силакова и это утро, и этот рассвет стали последними в его жизни, то и для его убийц этот день оказался не совсем удачным. Уже к вечеру гуляющая молодая парочка наткнется на труп Силакова. А еще через день, восстановив фотографию, следователи прокуратуры будут точно знать, что убитый был хорошим знакомым Рашита Ахметова, с которым неоднократно встречался. Еще через два дня в этом признается и сам Ахметов.

Всего этого Силаков пока не знал. Он сидел на заднем сиденье автомобиля и недовольно поглядывал на поток машин, спешивших в город. Мысли его были заняты арестованным Ахметовым. В душе он даже жалел того, не подозревая, что его самого ждет участь куда более печальная.

Берлин. 10 июля

Самолет немецкой авиакомпании «Люфтвагза» должен был сесть в берлинском аэропорту Тегель точно по расписанию. Несмотря на то что Берлин вот уже десять лет как стал единым городом, в нем исправно функционировали несколько крупных аэропортов, которые, как и прежде, были распределены по отдельным зонам. Если самолеты Аэрофлота прилетали в бывший аэропорт Восточного Берлина Шенефельд, то самолеты немецкой авиакомпании «Люфтвагза» по-прежнему летали в Тегель, некогда расположенный в Западном Берлине.

В полупустом салоне первого класса летело несколько пассажиров. Среди них – двое молодых мужчин. Один, невысокий, с бычьей шеей и тройным подбородком, очень коротко стриженный, явно не отличался изысканными манерами. Едва усевшись на свое место, он потребовал принести ему водки и коротал время с бутылкой всю дорогу. Время от времени он делал паузу и принимался донимать стюардесс своими наглыми вопросами. Малиновый пиджак он снял, словно специально для того, чтобы демонстрировать окружающим свою золотую цепь, просвечивающую через белую тенниску, свои неприлично дорогие часы и браслет на правой руке. Список его драгоценностей был бы неполным без большого перстня с бриллиантом на толстеньком пальце правой руки.

В отличие от этого здоровяка второй пассажир был и ниже ростом, и телом худ. Сквозь светлые волосики кое-где проглядывала плешь. У него были бесцветные глазки, почти лишенные ресниц. У правого глаза белел небольшой шрам. В отличие от своего приятеля он почти ничего не пил, так молча и просидел более двух часов у иллюминатора. Лишь изредка закрывал глаза, но стоило кому-то пройти рядом, и он снова обращал взгляд к иллюминатору – дремал, как дикое животное, опытом жизни наученное осторожности. Он даже отказался от еды, хотя немецкая авиакомпания славилась своим обслуживанием пассажиров, заплативших за путешествие немалые деньги. Недоумевающие стюардессы предлагали ему и выдержанные коньяки, и самые лучшие вина, которые были у них на борту, но он ограничился лишь стаканом апельсинового сока и бокалом шампанского.

В последние годы стюардессы «Люфтвагзы» привыкли к типам вроде обладателя малинового пиджака, наглем, привыкшим считать, что весь мир у них в кармане. Но пассажиров из Москвы, отказывающихся от еды и напитков, они еще не встречали. Каждый из попадавших в салон первого класса считал для себя обязательным перепробовать все, что полагалось пассажиру, – еще бы, такие денежки заплачены.

Служащие «Люфтвагзы» ни за что не поверили бы, услышав от очевидца повествование о жизни двух пассажиров. Еще десять лет назад они сидели в колонии усиленного режима, и койки их стояли рядом. Первый, Матвей Очеретин по кличке Бык, четырежды судимый, славился своим буйным нравом и невероятной физической силой. Но еще более известным человеком был молчун. В колониях, куда он попадал, его имя произносили шепотом; ходили легенды о том, как безжалостно и страшно расправляется он со своими врагами. Если посчитать, сколько людей было убито по приказу вора в законе Евгения Чиряева по кличке Истребитель, то перечень жертв вполне мог превысить список убитых в бомбежках летчиком-асом времен Второй мировой войны. Чиряев был известен и своей замкнутостью, крайне недоверчивым характером, о котором тоже ходили легенды. Этот человек словно шкурой чуял опасность, обходя все расставленные ловушки. С врагами он расправлялся быстро и безжалостно, друзей держал на расстоянии, предпочитая никому не доверять. Друзей, как таковых, у него и не было, лишь подельники, шпана, выполнявшая его поручения, да женщины, с которыми он спал и к которым относился как к самкам, удовлетворявшим его потребности. И еще – небольшой круг равных ему, бандитов, которые справедливо опасались его, ожидая в любой момент коварного подвоха.

В последние годы, когда из каждых десяти королей преступного мира восемь были уничтожены, Истребителя спасали только его недоверчивость и беспощадная жестокость, с которой он расправлялся с любым из своих, кто показался ему подозрительным.

События летних месяцев особенно встревожили его. Сначала был арестован Рашит Ахметов, поручения которого его люди выполняли и с которым их связывали деловые отношения. К этому времени бывший вор уже хорошо знал, что самые большие деньги бывают не у бандитов и даже не у авторитетов, наводивших ужас на жителей крупных городов. Самые большие деньги водятся у людей, присосавшихся к государственным организациям и бюджетным источникам. Они были по-настоящему богатыми и влиятельными и умели при необходимости использовать уголовные авторитеты.

От одного из таких Чиряев и получил приказ устранить Силакова. Он понимал, что необходимость в этом после ареста Ахметова очевидна. Силакова убрали третьего июля. А уже через несколько дней сам Чиряев получил приказ исчезнуть из города. Он хорошо сознавал, как это важно для человека, занимающегося таким неприятным делом, – вовремя исчезать, не подставляясь под прицел наемного убийцы. Не решаясь искушать судьбу в очередной раз, он решил срочно улететь за границу, чтобы, обосновавшись в Австрии, оттуда руководить своими людьми. В Европе он собирался переждать опасное время и вернуться через полгода. В девяносто втором, когда уголовный беспредел захлестнул Москву и криминальная война унесла жизни многих известных в уголовном мире бандитов, он уже предпринимал нечто подобное. В стране тогда шел процесс передела власти, и многие заплатили слишком большую цену за самонадеянность. Он в те дни несколько перестарался, решив «наехать» на торговцев наркотиками, и получил вместо ожидаемой прибыли трупы своих «шестерок». Усвоив урок, он улетел за рубеж, а его люди еще долго торговались об условиях мира.

Истребитель улетел тогда в Прагу, где и просидел, пережидая опасное время, полгода. С годами он стал еще более осторожен и терпелив, старался действовать наверняка, не подставляться и не вызывать гнева своих «коллег»-авторитетов. Но не всегда все шло гладко. После ряда спокойных лет он снова решил немного нарушить правила игры и оставить себе часть доходов, которые обязан был разделить с другими авторитетами. Был уверен, что успеет рассчитаться с ними, но, когда арестовали Рашита Ахметова, стало ясно, что Истребителю нужно срочно скрыться. Это была уже не проблема долга, а вопрос жизни или смерти самого Евгения Чиряева.

В аэропорту его провожало больше телохранителей, чем это положено даже федеральному министру. В напарники он взял Быка, парня, который отличался невероятной физической силой при полном отсутствии мозгов. Последнее обстоятельство особенно устраивало Чиряева. Всякий рассуждающий опасен – так он считал. Наличие мозгов означало, что в какой-то момент человек может начать рассуждать и дорассуждаться до того, что выгоднее предать своего патрона, если кто-то заплатит гораздо больше. С Очеретиным это исключено. Во-первых, тот обязан Чиряеву своей жизнью и свободой, а во-вторых, Бык элементарно глуп, чтобы просчитывать варианты, с кем-то вести переговоры.

В салоне бизнес-класса находился еще один человек, с которым Чиряев не расставался во время своих поездок, хотя внешне их связь никак не проявлялась. Об этом сотруднике не знало даже ближайшее окружение Чиряева. Франца Баугиса, бывшего сотрудника латвийской милиции, Чиряев «перекупил» еще в начале девяностых. Они были даже чем-то похожи внешне, оба замкнутые, хмурые, нелюдимые. К услугам Баугиса Чиряев прибегал тогда, когда требовалось применить нечто из арсенала нестандартных приемов. Но Баугис выполнял и роль резервного «наблюдателя», который со стороны изучал и оценивал степень опасности, грозящей Истребителю. В качестве этакой «тени» он сопровождал Чиряева во всех его поездках. Несмотря на то, что Чиряева и Очеретина провожала толпа телохранителей из Шереметьево-2,

а в берлинском аэропорту их должны были встречать группы других охранников, Чиряев и в самолете находился под двойным наблюдением – Очеретина и Баугиса.

И тем не менее в самолете был еще один сопровождающий, о существовании которого Чиряев не подозревал. Он сидел в салоне экономического класса на одном из последних кресел и дремал, безучастный ко всему, затем, проснувшись, с аппетитом съел принесенный ему обед, выпил стакан минеральной воды и снова задремал. Человек с невыразительным лицом, сдержанный в движениях, незаметный, стандартно одетый, он мог спокойно затеряться в толпе, даже небольшой. Тип идеального наблюдателя, скользящего за «объектом» ловко и незаметно.

В берлинском аэропорту самолет приземлился точно по расписанию, ровно в пятнадцать часов пятьдесят минут. Очеретин, с трудом оторвавшись от кресла, тяжело поднялся, достал с полки большую сумку. Кроме личных вещей, в сумке было около двадцати тысяч долларов, записанных на его имя. Чиряев справедливо считал, что в этой поездке могут срочно понадобиться именно наличные деньги, хотя многочисленные кредитные карточки, которые у него имелись, могли помочь практически в любой точке мира. Все вывезенные им из Москвы деньги были безупречно оформлены. Очеретин владел небольшим магазином в центре Москвы, исправно платил налоги и, вывозя деньги за рубеж, неизменно предъявлял необходимые банковские документы на таможне. Сделал он это и на сей раз.

Выходя из самолета, Чиряев незаметно кивнул молчаливо стоявшему в сторонке Баугису. Несмотря на то что ни у Баугиса, ни у Очеретина не было оружия, тем не менее наличие рядом двух «своих» придавало Чиряеву уверенность. Уже выйдя из самолета, он заметил нескольких мужчин, явно ожидавших кого-то из пассажиров. Чиряев насторожился. В Германии не принято встречать кого бы то ни было у трапа самолета – кроме официальных государственных лиц. Все без исключения пассажиры обязаны пройти пограничный и таможенный контроль по единым правилам, и лишь после этого встречающие могли общаться с приехавшими.

Еще более его насторожило то, что при его появлении эти «встречающие» обменялись взглядами, перекинулись репликами, явно сговариваясь о чем-то. Чиряев скосил взгляд на Очеретина, обернувшись, увидел следовавшего в нескольких метрах позади них Баугиса. Подал тому незаметный сигнал – будь наготове. Баугис принял сигнал и, ускорив шаг, прошел мимо, оказавшись непосредственно перед Чиряевым, – Истребитель был защищен охраной с двух сторон.

Они уже подходили к пограничному контролю. Надо только пройти контроль, а там его будут ждать боевики с оружием и автомобилями. После этого он может не опасаться за свою жизнь. Баугис, зная, что первым границу проходит Очеретин, замешкался перед пограничником, пропуская Быка первым. Тот протянул свой паспорт. Чиряев и Баугис напряженно ждали. А в это время рядом с пограничником вырос один из «встречающих», кто стоял у трапа самолета.

Офицер пограничной службы долго рассматривал документы Очеретина.

– Вы надолго прибыли в Шенгенскую зону? – спросил он.

– Там же написано, – недовольно буркнул Очеретин. – У меня разрешение на три месяца.

– Не забудьте, что срок строго оговорен вашей визой, – напомнил пограничник и наконец поставил печать, разрешая вход на территорию Германии. Очеретин оглянулся на Чиряева, победно улыбнулся и, получив обратно паспорт, прошел вперед.

Чиряев перевел дыхание. Они получали визу вместе, и, если бы у офицера возникли какие-то претензии к Очеретину, пограничник не пропустил бы того через границу. Значит, с документами и визой все в порядке. В конце концов, они уже не первый раз прилетают в страны Шенгенской зоны. Чиряев достал свой паспорт, кивнул Баугису и прошел к офицеру, протягивая документы. Баугис заторопился к соседнему окну.

– Ширяев? – спросил пограничник, взяв документы Истребителя.

– Чиряев, – поправил он привычно – в Европе, как правило, не выговаривали первой буквы его фамилии.

– Евгений, – прочел офицер.

– Да, да, Евгений Алексеевич, – усмехнулся Чиряев, – там все написано. У меня есть обратный билет, и я несколько раз бывал в Германии.

– Ширяев, – снова повторил пограничник, набирая на своем компьютере данные гостя.

На невозмутимом лице офицера ничего невозможно было прочесть, но Чиряев вдруг почувствовал неладное. Слишком непроницаемое лицо офицера насторожило его. Пограничник долго смотрел на дисплей компьютера, набирая все новые и новые данные. На Чиряева он не смотрел. Баугис, получив свои документы, уже проходил дальше, но замешкался, ожидая Чиряева. На него зашикали пассажиры, идущие следом, и он прошел дальше, оглянувшись на Евгения.

Рядом с пограничником как по команде возникло несколько человек. Те самые «встречающие». Чиряев снова почувствовал волнение. Один из подошедших взял его паспорт и почти без акцента спросил по-русски:

– Вы мистер Чиряев?

Если немец говорит на таком хорошем русском, значит, он находится здесь не случайно – это Чиряев понял сразу.

– Да, – кивнул он, – а в чем, собственно, дело?

– Извините, мистер Чиряев, но у нас есть запрос на ваш паспорт.

– Какой запрос?

– Мы должны вас задержать. Прошу вас следовать за мной.

– Кто это «мы»? – разозлился Чиряев. – Покажите свои документы. Я получил визу в немецком посольстве в Москве. У меня что, неправильно оформлена виза или не такой паспорт?

– Нет, мистер Чиряев. Паспорт и виза не вызывают сомнений. Но у нас есть запрос, – упрямо повторил этот русскоговорящий немец, – прошу вас следовать за нами.

– Позовите моего помощника, – ошетинился Чиряев, – он только что вышел отсюда. Наверное, ожидает багаж. Без него я никуда не пойду.

– Как его фамилия?

– Матвей Очеретин. Он только что прошел через границу. Очеретин прилетел вместе со мной. Сообщите ему, где я.

– Мы выполним вашу просьбу, – согласился немец, – прошу вас следовать за нами.

«Если бы они хотели меня убить, то не стали бы уговаривать пройти вместе с ними, – подумал Чиряев, – кроме того, это наверняка немецкая полиция. Что же произошло? Про какой „запрос“ они твердят?»

Но Чиряев не видел, с каким напряженным вниманием наблюдает за ним пассажир, вышедший из третьего салона самолета. Не становясь в очередь, он рылся в своей сумке, явно ожидая кого-то или чего-то. Чиряев раздраженно пожал плечами, понял, что поднимать здесь скандал бессмысленно, нужно спокойно выяснить, чего от него хотят.

Он повернулся и пошел следом за тем, кто отобрал у него паспорт. В большой светлой комнате, куда они вошли, находилось еще несколько человек – коротко стриженных мужчин и неуловимо похожих друг на друга. Полицейские – он не ошибся. Человек, который привел его сюда и в руках у которого все еще был его паспорт, сказал громко и даже торжественно, словно на сцене:

– Мистер Чиряев, вы арестованы. Согласно запросу Интерпола и криминальной полиции Австрии вы арестованы. С этой минуты вы можете не отвечать на наши вопросы, пригласить своего адвоката и требовать встречи с представителями вашего посольства.

Проклятье! Сбежать из Москвы, чтобы нарваться на немецкую полицию. Хотя это не самое страшное, что могло случиться в Берлине. Гораздо хуже, если бы его встретили здесь пулей в висок. Но кто его подставил? Чиряев лихорадочно размышлял, не находя ответа.

– У вас есть пожелания? – спросил полицейский.

– Да. Я хочу позвонить моему адвокату. И найти Очеретина. Мне нужно с ним переговорить. Он поможет разыскать мои личные вещи. Могу ли я взять с собой в вашу тюрьму свои личные вещи? – с ухмылкой спросил он.

– Безусловно, – сдержанно улыбнулся полицейский, – наши законы весьма гуманны, мистер Чиряев. Думаю, вы сумеете их оценить.

В этот момент «тихий» пассажир, уже прошедший границу, достал мобильный телефон, набрал номер и скороговоркой произнес:

– Все в порядке. Его арестовали на границе.

– Никаких эксцессов? – спросили из Москвы.

– Никаких, – подтвердил тот, – у него отобрали паспорт и задержали на границе. Я видел, как его арестовали представители немецкой полиции.

– Возвращайтесь в Москву, – услышал он и отключился. Затем, оглянувшись по сторонам, посмотрел на часы. Через несколько часов будет вечерний рейс Аэрофлота из Шенефельда. Он еще успеет оформить обратный билет.

За несколько дней до начала Москва. 28 марта

После отъезда Джил прошло несколько дней, но он уже чувствовал себя одиноким. Молодая женщина сумела расшевелить в нем, казалось, уже давно угасшие эмоции. В свои сорок Дронго старался сохранять приличную форму и держал свой вес в неких «цивилизованных» рамках. Гурману это не особенно легко. Но и это не доказательство душевного здоровья. Меланхолия и чувство опустошенности в последние годы все чаще посещали его – до тех пор, пока не появилась Джил.

У него и раньше бывали женщины. С некоторыми он чувствовал настоящую близость, с другими расставался после первой встречи. Но отношения с Джил были особенными, светлыми и грустными одновременно. Светлыми потому, что эта молодая женщина заставляла его снова испытывать давно забытые чувства, дарила ему чувство сопричастности к ее молодой, полной света жизни. Грустными же оттого, что оба понимали эфемерность подобных отношений. Она была гражданка Италии, проживавшая почти постоянно в Англии или в США, а он жил в Москве, и все их отношения могли строиться лишь на коротких, мимолетных встречах. К тому же его итальянский был далек от совершенства, а она не знала русского. К тому же разница в возрасте – он почти годился ей в отцы. К тому же она была из старинного аристократического рода. К тому же... он сам все понимал. Их отношения должны были рано или поздно кончиться, и кончиться печально. Может, поэтому ее внезапный приезд в Москву был для него таким радостным и... таким печальным.

Оставшись один, он обложился книгами своих любимых авторов-фантастов, у которых пытался найти ответы на мучившие его вопросы. Грустно, но эти мудрецы в конце века один за другим ушли из жизни. Пол Андерсон, Айзек Азимов, Роджер Желязны... Если Бог действительно существует, то он не мог дать ему лучших собеседников. Из числа великих еще оставался жив самый лучший, по его мнению, писатель современности – мудрый и добрый Рэй Брэдбери, а также относительно молодой, саркастический, остроумный и веселый Роберт Шекли.

Он не выходил из квартиры иногда по несколько дней, сам готовя себе еду. Один из телевизоров постоянно работал, передавая круглосуточные новости Си-эн-эн. Второй он включал только для того, чтобы слышать местные новости. Так он и провел несколько дней в своей пустой московской квартире, пока однажды не раздался звонок, который многое изменил в его жизни.

Когда звонил телефон, обычно включался автоответчик и он мог слышать, кто оставлял ему сообщение. Хотел – брал трубку, если сообщение его не интересовало – оставлял без внимания. Звонил Владимир Владимирович. На этот звонок Дронго всегда откликался – старый разведчик никогда не беспокоил по пустякам.

– Здравствуй, – услышал он знакомый голос, – будь добр, возьми трубку, если ты дома, а то мне трудно говорить в пустоту.

– Добрый день, – Дронго поднял трубку, – хотя скорее вечер, сейчас, кажется, уже темно.

– В Москве рано темнеет, – вздохнул Владимир Владимирович. – Часть своей жизни я провел у экватора. Там всегда поздно темнело. С тех пор я привык засыпать с наступлением сумерек.

– Странно, – заметил Дронго, – я думал, вы работали только в Канаде...

– Я много где работал, – ворчливо заметил Владимир Владимирович, – когда у тебя будет время, приезжай ко мне, и я расскажу тебе, в каких странах я побывал. Думаю, спустя столько лет этот секрет я могу открыть.

– А когда я приеду, вы снова будете рассказывать мне о Канаде, – засмеялся Дронго, – у вас безотказный психологический самоконтроль. Как только вы хотите сказать мне нечто секретное, сразу срабатывает невидимый рычажок, и вы замыкаетесь в себе.

– Все смеешься, – не обиделся старик, – а ты думаешь, легко в семьдесят лет перестраиваться? Это Горбачеву было легко самому перестраиваться и перестраивать весь мир. А мне трудно, пожалуй, даже невозможно.

– Да, – согласился Дронго, – это правда. Даже мне в сорок очень трудно переиначивать свой образ жизни.

– Это ты насчет своей знакомой? – спросил Владимир Владимирович. Дронго познакомил его с Джил, и молодая женщина осталась в полном восторге от старого разведчика, безупречно владевшего английским и французским, галантного кавалера и остроумного собеседника.

– И насчет нее тоже.

– Очень приятная особа, – заметил Владимир Владимирович, – я бы на твоём месте не раздумывал. Что тебе ещё нужно? Деньги у тебя есть, по-итальянски ты кумекаешь. Остается очаровать тещу и получить согласие папы. Хотя, я думаю, для самой Джил это не важно. Она от тебя без ума и так.

– Вы меня утешаете или говорите правду?

– Я тебе объясняю, что нужно делать, – прохрипел Владимир Владимирович, – нужно купить билет на самолет, полететь к ней и сделать предложение. По-моему, вы любите друг друга.

– Жениться? – задумчиво спросил Дронго. – Как вы себе это представляете? Мы граждане разных стран, у нас разное мировоззрение, разные условия жизни. С моей неустроенной жизнью вторгаться в её будущее... По-моему, нужно быть законченным эгоистом, чтобы так ломать жизнь женщины.

– А по-моему, ты просто ничего не понимаешь в жизни, – рассердился старик, – она тебя по-настоящему любит. Я знаю все твои комплексы. Это из-за Натали?..

Натали погибла в Вене восемь лет назад. Но и теперь воспоминание о ней неизменно вызывало боль. Дронго помрачнел.

– Из-за нее тоже, – сказал он, – вы позвонили, чтобы провести сеанс душевной терапии?

– Нет. Я позвонил по делу. К тебе хотят приехать, скажем так, солидные люди. У них к тебе важное дело. А над моим предложением ты все-таки подумай.

– Какое дело, – не понял Дронго, – и что значит солидные люди?

– Они тебе сами все объяснят. Приедут от меня, сегодня вечером. Если тебя заинтересует – соглашайся. Итак, сегодня в семь вечера. Предварительно еще позвонят.

– Понятно. Ваши бывшие коллеги?

– Не совсем. По другому ведомству.

– Хорошо.

– И учти, они готовы оплатить все твои расходы.

– Надеюсь, – хмыкнул Дронго, – неужели они будут платить мне еще и гонорар?

– Не думаю. Но расходы оплатят. Ты ведь все равно сидишь дома и киснешь. А здесь очень интересный поворот. В общем, сам беседуй и решай.

– Договорились. – Он провел рукой по лицу и с неудовольствием отметил, что сегодня так и не успел побриться. Посмотрел на часы. – Жду их ровно в семь, – сказал он на прощание.

Все случилось именно так, как сказал Владимир Владимирович. В половине седьмого ему позвонили. Передали привет от старика и подтвердили, что через полчаса у него будет гость. Ровно в семь в квартиру позвонили. Дронго пошел открывать дверь. На пороге стоял крепкий широкоплечий человек лет пятидесяти. Коротко остриженные волосы, массивные очки, удли-

ненное лицо, чуть срезанный подбородок, нос с небольшой горбинкой, умные темные глаза. Рукопожатие было достаточно сильным.

– Романенко, – представился он, – Всеволод Борисович Романенко.

– Очень приятно. – Дронго повесил пальто гостя на вешалке в прихожей, и они прошли в гостиную.

– Что-нибудь будете пить? – спросил Дронго.

– Меня предупреждали, что вы любите чай, – улыбнулся Романенко.

– В таком случае идемте на кухню, – улыбнулся в ответ хозяин, – там удобнее попить чайку.

Он обратил внимание, когда они проходили в кухню, что Романенко прихрамывает на левую ногу. Усевшись за столик, гость с интересом огляделся. Дронго оборудовал свою квартиру не по принципу моды, а по принципу удобства. Поэтому его жилище было своеобразной визитной карточкой вкусов самого хозяина. Рядом с электрическим чайником стояло несколько коробок чая, большая банка кофе. Немецкие ножи покоились в изящной деревянной коробке. Разноцветные ложки и вилки, привезенные из Англии, помещались в висячей подставке. Дронго указал Романенко на стул и включил чайник, усаживаясь напротив гостя.

Романенко ему нравился. В нем ощущался крепкий стержень, внутренняя сила, основанная на чувстве уверенности в собственной правоте. У него были умные и честные глаза человека, словам которого можно доверять. В последние годы это становилось редкостью. Умные все чаще превращались в циников и проходимцев. Дронго был достаточно проницателен, чтобы отличить глаза умного прохвоста от глаз честного человека. Честный, вынужденный порой даже идти на сделку с совестью, стыдился своего поступка, в его взгляде мелькало некое сожаление от содеянного. Взгляд того, кто потерял совесть, светился только торжеством – вот, мол, как мне удалось провести всех вас, вот как я устроился в этой жизни. Романенко был из числа изрядно поредевшего племени чиновников, живущих по законам совести.

– Мне о вас много рассказывал полковник Машков из ФСБ, – начал Романенко, – он сейчас в отъезде, просил передать вам привет.

– Спасибо. Мы знакомы уже много лет. Удивительно, как Машкова терпят в ФСБ. С его взглядами и принципами он давно должен был оказаться вне этого ведомства, где стало принято подстраиваться под «хозяина».

– Профессионалы нужны везде, – заметил Романенко.

– Как и у вас, в прокуратуре, – невозмутимо сказал Дронго, наливая чай своему гостю.

– Мне говорили о вашей проницательности и склонности к подобным эффектам, – засмеялся Романенко. – Вам сказал Владимир Владимирович или вы действительно сами вычислили, что я работаю в прокуратуре?

– Это было несложно, – заметил Дронго. – После звонка Владимира Владимировича я понял, что речь пойдет о консультации по какому-то делу. А так как я могу оказывать помощь совершенно особого рода и случайных посетителей он ко мне не направит, то я мог сделать вывод: гость должен быть представителем правоохранительных органов. Если бы вы работали в ФСБ, вы бы не сказали о Машкове, предпочитая начать разговор с других персонажей. Кроме того, вы произнесли «Машков из ФСБ», то есть подсознательно вы не идентифицировали себя с организацией, где работает полковник. Для разведки вы тоже не подходите. Вам за пятьдесят, на оперативной работе в СВР вас бы не держали. Остается милиция, но я заметил, что вы шли к столу, чуть хромя. Значит, милиция тоже отпадает, там существуют довольно строгие требования, которым нужно соответствовать. Осталась прокуратура. Вычислить несложно, как видите.

– Здорово, – рассмеялся Романенко, – как все просто и убедительно. Я действительно работаю в прокуратуре. Следовательно по особо важным делам. В настоящее время возглавляю

специальную группу по расследованию хищений в особо крупных размерах. Я давно хотел познакомиться с вами и очень рад, что через свои связи сумел на вас выйти.

– Спасибо. И давно вы работаете в прокуратуре?

– Почти тридцать лет. С тех пор, как закончил юридический факультет Свердловского университета.

– Так чем я могу вам помочь?

– Дело в том, что я возглавляю бригаду, которая ведет расследование уже второй год. Вы, наверно, слышали о хищениях в Минтопэнерго? Арестована целая группа сотрудников министерства, в том числе и заместитель министра.

– Кое-что слышал. Но, насколько я знаю, дело застопорилось. Газеты даже писали, что оно будет развалено.

– Это так писали газеты, – нахмурился Романенко, – они выдают желаемое кое-кем за действительное. Пока дело не развалено, но вполне возможно, что будет развалено, если мы не предпримем решительные меры. Дело в том, что многие свидетели и обвиняемые по этому делу выводят нас на чиновников, которые по своему статусу находятся на более высокой ступени власти, чем заместитель министра. Я могу говорить откровенно?

– Здесь наверняка нет магнитофонов, – очень серьезно сказал Дронго, – у меня стоят специальные дешифраторы. Запись исключена.

– По нашим данным, в деле замешаны несколько очень высокопоставленных чиновников из правительства и администрации президента. Заместитель министра Ахметов, которого мы арестовали еще в прошлом году, сначала дал кое-какие показания, но затем, под явным давлением своего адвоката, отказался от них. Есть ряд моментов, которые мы хотели у него уточнить, но он молчит, явно надеется на покровительство своих высокопоставленных друзей.

– Они хотят развалить дело, – понял Дронго.

– Конечно. Они давят на Генерального прокурора, оказывают давление на нашу бригаду, в общем, делают все, чтобы не довести дело до суда. Наши сотрудники работают без отдыха, без отпусков уже два года... – Романенко вздохнул. – Теперь нам удалось выйти на некоего Чиряева по кличке Истребитель, который по одному из главных эпизодов связан с нашим уголовным делом. В ходе аукциона на директора нефтяной компании «ЛИК» было оказано давление, и он вынужден был уступить контрольный пакет акций каким-то сомнительным людям, к тому же предлагавшим заведомо меньшую цену. Так вот, давление оказывал уголовник Чиряев и его «братки». Мы начали поиски Чиряева, но едва объявили розыск, как его тут же арестовали в Берлине, предъявив ему смехотворные обвинения в неуплате налогов в Австрии, где у него есть недвижимость. Ясно, что Чиряева решили таким манером вывести из игры, подставив его немецкой полиции. Несколько наших запросов в Берлин оказались бесполезными. Чиряева не выдают. У нас к тому же исчез главный свидетель – тот самый директор нефтяной компании «ЛИК», о котором я говорил. А без него наши обвинения против Чиряева рассыпаются. Нам его могут не выдать. Директор же исчез почти сразу вслед за арестом Чиряева.

– Интересно, – в задумчивости проговорил Дронго, – очень интересное дело. Значит, вы убеждены, что между арестом Ахметова в Москве и арестом Чиряева в Берлине есть прямая связь?

– Абсолютно убеждены, – кивнул Романенко, – Ахметов был арестован двадцать седьмого июня, а уже десятого июля в Берлине арестовали Чиряева. Причем арестовали на границе, в тот самый момент, когда он рейсом из Москвы прибыл в Берлин. Арестовали прямо на границе. Мы проверили. Оказывается, запрос на арест Чиряева был оформлен через Интерпол еще второго июля. Таких совпадений не бывает. Конечно, мы тогда ничего не знали. Фамилия Чиряева всплыла только в августе. Мы дважды делали попытки вернуть его в нашу страну, и дважды суд нам отказывал. После того как исчез директор нефтяной компании, у нас нет свидетеля, который мог бы подтвердить в немецком суде обоснованность наших просьб. А

без Чиряева все наши обвинения строятся лишь на первоначальных показаниях Ахметова, от которых тот уже отказался.

– Подождите, – прервал собеседника Дронго, – между двумя арестами существует несомненная связь. Но вы сказали, что Чиряева арестовали в Берлине, куда он прилетел из Москвы. Правильно?

– Вот именно. Прямо на границе. Мы потом хотели узнать, почему в Москве не было известно о намерении Интерпола арестовать Чиряева. Но никто не дал нам вразумительного ответа. Объясняли, что в странах Западной Европы более надежная информативная сеть. Это довольно неправдоподобно, если учесть, что запрос был оформлен еще второго июля, но в московское бюро Интерпола он не пришел.

– Тогда получается, что кто-то сознательно подставил Чиряева, спровоцировав его арест именно в Берлине, – сделал вывод Дронго.

– Вот это нас и волнует, – сказал Романенко, отодвигая от себя уже остывший чай, к которому он так и не притронулся. – Ведь, по логике вещей, Чиряева могли арестовать и в Москве. Или в Вене, куда он собирался лететь после Берлина. Но его арестовали именно в Берлине, поскорее, чтобы изолировать от нас.

– Ахметова вы арестовали двадцать седьмого. Когда он стал давать показания?

– Буквально на следующий день. Вы же знаете, что самые ценные показания бывают сразу после ареста, когда человек еще находится в состоянии шока. Мы нашли довольно внушительную сумму иностранной валюты у него на работе и на даче. Он подробно рассказал, как выходил на Чиряева и как тот оказывал давление через своих людей на руководство нефтяной компании «ЛИК».

– Он назвал фамилии?

– Разумеется. Посредником между Ахметовым и Чиряевым был некто Силаков, чиновник Минтопэнерго.

– Где он сейчас?

– Погиб, – сказал Романенко, глядя в глаза Дронго, – вернее, убит третьего июля. По свидетельству жены, ему кто-то позвонил утром. Муж оделся и вышел из дома. Вечером труп Силакова обнаружен в лесополосе совершенно случайно. Документов при нем не было, но в кармане лежали обрывки фотографии, которую мы восстановили. На ней погибший снят вместе с Рашидом Ахметовым. Очевидно, Силаков хотел избавиться от улики, но не успел. Ясно, что действовал нанятый убийца. Киллер произвел контрольный выстрел в голову. Для справки: на следующий день мы должны были арестовать Силакова. Опустили всего на один день.

На кухне воцарилось молчание. Дронго, поднявшись, взял обе чашки, вылил в раковину остывший чай, снова включил чайник. И уселся напротив Романенко. Тот внимательно наблюдал за хозяином.

– Сложная у вас работа, Всеволод Борисович, – заметил Дронго, – очень сложная.

– Мне моя работа нравится, – пожал плечами Романенко, – радуюсь, когда отправляю мерзавцев за решетку. До сих пор не потерял охотничьего азарта. Когда удастся найти и наказать негодяя – чувствуешь себя хирургом, который вскрыл гнойник.

– Кто адвокат у Ахметова?

– Бергман. Вы его, кажется, знаете. Или же слышали.

– И слышал, и знаю. Он дружил с покойным Яковом Ароновичем Гольдбергом, другом моего отца. Если сам Бергман ведет дело Ахметова – у вас немного шансов.

– Пока шансы равные, – бесстрастно заметил Романенко.

– Двадцать седьмого арестован Ахметов, – повторил Дронго, – второго пошел запрос на Чиряева, третьего застрелили Силакова. Сходится. Но почему не убрали самого Чиряева? Он

ведь такой опасный свидетель. И почему провели столь сложную операцию – через Интерпол и арестовали его не в Москве, а в Берлине?

– По нашим данным, Чиряев очень опытный и ловкий рецидивист, осторожный и скрытный. Возможно, хотели действовать наверняка.

– Вы сами верите в это? – с сомнением спросил Дронго. – Вам не кажется странным, что люди, заранее получающие сведения обо всем, что происходит в вашей группе, не смогли убрать вора в законе? Вы верите в то, что легче устроить арест через Интерпол в Берлине, чем убрать рецидивиста в Москве? В конце концов, его могли просто не выпускать из страны, а потом застрелить во время доставки в тюрьму, объяснив все попыткой побега. Но кто-то специально подстроил его арест, решив, что так будет лучше. И этот «кто-то» точно знал, когда и куда полетит Чиряев. Значит, имел все возможности физического устранения Чиряева, но не пошел на этот шаг. Возникает вопрос: почему? Его могли пожалеть?

Романенко усмехнулся. Дронго согласно кивнул.

– Я тоже так думаю. В тех кругах, где вращался Чиряев, о таких старомодных понятиях никогда не слышали. Тогда почему? Почему его не убрали, а решили устроить арест в Берлине? Кому выгодно, чтобы он был под арестом, но в другой стране?

– Я об этом тоже думал, – признался Романенко. – И пришел к одному-единственному выводу: Чиряев еще нужен. Он нужен как оружие против кого-то. Если понадобится, Чиряева могут использовать. Поэтому его решили не убирать, а под благовидным предлогом посадить в тюрьму, чтобы он не сбежал, как директор нефтяной компании. Это единственное объяснение, которое можно принять.

– Похоже, вы правы. Можно либо сломать эту игру, доставив Чиряева в Москву, либо, приняв их игру, оставить Чиряева в Берлине, позвонив кому-то развалить все дело.

– Двенадцатого мая в немецком суде будет рассмотрена наша апелляция. Если до этого времени мы не найдем директора нефтяной компании, исчезнувшего неизвестно куда, нам не выдадут Чиряева. И тогда мы потеряем шансы на успешное завершение нашего многострадального дела. Два года работы...

– Может быть, директор уже давно общается с чертами в аду? Такой вариант вы исключаете?

– Исключаю полностью. Он сбежал из Тюмени, где находился центральный офис компании. Четыре месяца назад он еще был жив, прятался у своих родственников в Москве. Мы не успели его арестовать, он снова скрылся.

– Как его фамилия? У него осталась здесь семья?

– Труфилов. Дмитрий Викторович Труфилов. Семьи у него нет, он разведен. Остались бывшая жена и сын. По нашим сведениям, он поддерживает с ними отношения. Есть знакомая, очень близкая, в Москве, но он у нее не появлялся – там уже несколько месяцев дежурят наши люди. В Тюмени у него есть большой дом. В Харькове живут мать и семья сестры, но там он тоже не объявлялся. Мы проверяли.

– Он нефтяник по профессии? Где работал раньше? – Дронго поднялся, чтобы снова налить кипятка в чашки.

– В ГРУ. Он бывший офицер военной разведки, – выдавил Романенко.

Дронго резко обернулся. Поставил чайник на место.

– Вы шутите?!

– Какие могут быть шутки? Он воевал в Афганистане, был ранен, контужен. В девяностом демобилизовался. Работал в различных местах, одно время даже сидел без работы. С девяносто шестого, перебравшись в Тюмень, руководил нефтяной компанией «ЛИК». Мы проверили и установили странную закономерность. Его рекомендовал на эту должность именно Силаков. Судя по всему, у Труфилова и Силакова были прямые связи и с Чиряевым. Что произошло между ними, никто не знает, но Чиряев сумел убедить Труфилова отказаться от контроль-

ного пакета акций. Во время аукциона происходило нечто запредельное. Из Москвы пошла телефонограмма о запрете на проведение аукциона, но в Тюмени объявили, что телефонограммы не получали. В день аукциона туда полетел чиновник Мингосимущества, но самолету не дали посадку, объявив, что в аэропорту нелетная погода. Диспетчеры позже признались, что их вынудили отказать самолету в посадке. И наконец, во время аукциона Чиряев и Труфилов лично присутствовали в зале. Контрольный пакет за бесценок был продан другой компании. Несмотря на попытки Мингосимущества обжаловать сделку в суде, все осталось в силе.

– И кому конкретно достался контрольный пакет?

– А вы не догадываетесь? – Романенко вздохнул. – Конечно, «Роснефтегазу».

– Так, – сказал Дронго, снова протягивая руку к чайнику. – Хорошо хоть теперь мы знаем, с кем именно будем иметь дело. Очень солидные люди. Получается, что Ахметов работал на них.

– И не только он один. Чиряев, Труфилов, Силаков – целая цепочка. И все замыкается на руководстве нефтяной компании. Ни для кого не секрет, что они были чрезвычайно близки с вице-премьером нашего правительства.

– Теперь ясно, откуда у них столь исчерпывающая информация обо всех ваших действиях, – заметил Дронго. – Тем более почему Чиряев в таком случае все еще жив? По всем законам он обязан был умереть еще в Москве. И Труфилова не должны были отпускать живым.

– Этого мы не понимаем, – признался Романенко, принимая чашку с горячим чаем. – Спасибо.

– И чем же я могу вам помочь? – спросил Дронго.

– Нам нужно найти Труфилова. Он должен дать показания, чтобы мы могли получить Чиряева из Берлина. Вы знаете, как сейчас в Европе относятся к запросам нашей прокуратуры. После того как в Польше не выдали Станкевича, во Франции – Собчака, мы не можем рисковать. Если двенадцатого мая немецкий суд подтвердит решение о невыдаче Чиряева, все дело может рассыпаться. Мы не сможем доказать, что группа Ахметова действовала в корыстных целях. У нас в запасе всего полтора месяца. Нам нужно найти Труфилова, – снова повторил Романенко.

– А почему вы считаете, что именно я могу вам помочь?

– Только вы, – убежденно сказал Романенко. – По нашим последним данным, Труфилову удалось выехать за пределы страны. Он сейчас где-то в Европе. Мы обязаны найти его до двенадцатого мая. Найти и вернуть в страну. Иначе мы рискуем не получить Чиряева и окончательно провалить дело.

Дронго молчал. Он уже понимал всю сложность предстоящей работы, о которой просил Романенко.

– Я говорил с Генеральным прокурором, – добавил Романенко. – Он полностью со мной солидарен. Если мы снова получим отказ, это будет пощечина не только прокуратуре, но и всей нашей правоохранительной системе. Купленные журналисты и так изгаляются над нами, доказывая, что все подстроено бригадой прокуратуры и на суде уголовное дело против Ахметова и его группы все равно лопнет. Мы обязаны доказать свою правоту. Именно поэтому я решил прибегнуть к столь нетрадиционному для прокуратуры шагу. Я получил согласие Генерального прокурора на розыск Труфилова. Мы готовы оплатить все ваши расходы. Но нужно найти и доставить его в Москву до двенадцатого мая. Иначе мы действительно проиграем.

Дронго все еще молчал.

– Речь идет не о престиже прокуратуры, – продолжал Романенко, – не о моей карьере и не об амбициях нашего Генерального прокурора. Мы должны показать всем, что наконец перешли от слов к делу. Мы обязаны продемонстрировать нашу решимость бороться с воровством и коррупцией, которые захлестнули нашу страну. Сейчас вопрос поставлен именно так. Или мы, или они. Вы хотите нам помочь?

Дронго все еще молчал, понимая всю сложность предстоящей работы. Но с другой стороны – это и была его настоящая жизнь, то единственное, что он умеет делать.

– Каким образом вор в законе мог запугать сотрудника ГРУ, пусть даже бывшего? – вдруг спросил Дронго. – Здесь что-то не сходится.

– Нам тоже так кажется. Но никаких видимых причин мы не нашли. Возможно, был просто сговор между ними. Возможно, были и другие серьезные мотивы. Ничего конкретного у нас пока нет. Так вы согласны?

– Да, – ответил Дронго. – Да, кажется, вы меня убедили. Для начала я должен получить полное досье на всех людей, которых вы мне назвали. И выпейте наконец свой чай, или мне придется его снова выливать.

– Я был уверен, что вы согласитесь, – с облегчением произнес Романенко. – Меня уверяли, что вы лучший аналитик в мире, и уж наверняка в странах СНГ лучше вас никого не найти.

– Спасибо, – пробормотал Дронго, – мне остается только поверить вам и найти исчезнувшего Труфилова. Надеюсь, его не закопали где-нибудь за городом, и он действительно сумел выбраться в Европу. Нам предстоят долгие разговоры. Вы должны рассказать мне обо всем более подробно. И разумеется, ознакомить с документами вашей следственной группы.

– Конечно, – согласился Романенко, – это в наших интересах. И еще одна просьба. Я понимаю, что эти слова лишние, но обязан сказать, это было одним из условий нашего Генерального прокурора. Никто, кроме нас с вами, не должен знать о поисках Труфилова. Это единственное и обязательное условие.

– Думаю, что оно справедливо. Но учтите, мне понадобятся помощники. Надеюсь, у вас есть на примете толковые молодые люди, один-два человека?

– Найдем, – пообещал, улыбаясь, Романенко.

Начало

Самолет над Европой. 12 апреля

Мы летим в небе над Европой. Говорят, это самая лучшая трасса в мире. Лететь над Европой из Москвы куда-нибудь в Париж или Амстердам – это значит быть постоянно под контролем сразу нескольких авиадиспетчеров, которые внимательно наблюдают за движением лайнера, передавая его буквально «из рук в руки». Собственно, диспетчеры есть везде, но европейские трассы особенные. Во-первых, они перегружены так, что из иллюминатора всегда можно увидеть пролетающие навстречу или параллельно с вами самолеты, а во-вторых, здесь сидят лучшие специалисты в мире. Такого класса авиадиспетчеры, возможно, есть только в США. Но столь проверенных трасс точно нет нигде в мире. Стоит лишь представить себе, сколько под крылом вашего самолета надежных и благоустроенных аэропортов, и можно спокойно спать в своем кресле. Полет над Европой всегда удовольствие, почти гарантированная безопасность, если, конечно, самолет можно считать гарантированно безопасным средством передвижения.

Где-то я читал, что риск погибнуть в авиационной катастрофе примерно равен одной двадцатипяти тысячной. Шанс почти нереальный. Но если вспомнить, сколько людей ежегодно гибнет в авиакатастрофах, то как-то сразу забываешь об этих шансах. Впрочем, мне все равно не умереть в самолете. У меня мало шансов вернуться обратно в Москву живым и невредимым. Вернее, шансов почти нет. Один на сто или на тысячу. Я не знаю, как считать. Я ведь *идеальная мишень*. То есть такая круглая бумажка с указанием разрядов, которую повесили перед глазами стрелков, чтобы они попали точно в десятку. Стрелки имеют неограниченное количество патронов и возможность стрелять столько, сколько им нужно. А я обязан терпеливо дожидаться, когда в меня попадут. Точно в десятку. Может быть, в сердце. Или в голову. Это уже не так важно. Единственное, на что я не имею права, так это уклоняться от их преследования. Я не имею права никуда исчезать. Более того, я обязан сделать все, чтобы быть у них постоянно под прицелом. Только не считайте меня сумасшедшим. Я сознательно сделал свой выбор. И вполне понимаю, на что именно я иду. Впрочем, на сегодняшний день у меня все равно нет иного выбора.

Я нахожусь в салоне бизнес-класса. Мой широкомордый преследователь сидит в другом салоне. Но я не сомневаюсь, что среди моих спутников есть его напарник. Все спят, но один наверняка делает вид, что спит. Впрочем, я, возможно, излишне подозрителен. Куда я могу сбежать из самолета, который только через несколько часов приземлится в Амстердаме? Выпрыгнуть с парашютом? Или заставить пилотов посадить самолет где-нибудь в Германии? Все это хорошо для фантастического боевика. В жизни все скучнее и проще. И гораздо опаснее.

Впрочем, какая мне разница, чем моя история не похожа на надуманные романы. Любой профессионал скажет вам, чем и как отличается настоящая жизнь от захватывающих приключений супергероев. Да прежде всего своей монотонностью, своей обыденностью. Самые великие разведчики – это те, о которых мы так ничего и не узнали. Самые выдающиеся контрразведчики – это люди, незаметно и хорошо делавшие свою работу. Когда преступника арестовывают со стрельбой и погоней, это означает только одно – следователь не умеет работать, а сотрудники уголовного розыска откровенные профаны. К сожалению, это не относится ко мне. Моя жизнь в течение нескольких ближайших дней или недель, смотря по тому, сколько я смогу продержаться, не обещает быть ни монотонной, ни обыденной.

Мне кажется, я примерно знаю, кто именно напарник Широкомордого. Это неприятный типчик, сидящий в углу салона. У него короткие, будто нарисованные усики и несколько азиатский тип лица. Возможно, он калмык или татарин. Скорее всего его родовые корни на Север-

ном Кавказе. Он удивительно быстро открывает глаза, когда рядом с ним появляется стюардесса. Не спит, имитирует сон.

Все правильно. У Широкомордого обязательно должен быть напарник. Они будут «пасти» меня вдвоем, подстраховывая друг друга. Я подзываю стюардессу и прошу принести мне кампари. Уже давно я не выезжал за рубеж и давно не испытывал этого непонятного чувства полусвободы, когда ты оказываешься за рубежом. И хотя я прекрасно понимал, что никуда не могу сбежать и в любом случае вернусь в страну по завершении командировки, тем не менее в тот момент, когда я оказывался за границей, мне казалось, что я попадал даже не в другую страну, а в другое время. Все было фантастически интересно и как-то тревожно.

Сейчас уже многим не понять, как завидовали человеку, который имел возможность в семидесятые-восемидесятые годы регулярно выезжать за рубеж. На человека, побывавшего в Париже или в Лондоне, смотрели как на инопланетянина. Я пришел в КГБ в семьдесят пятом. Честно говоря, я даже не думал, что когда-нибудь стану сотрудником органов. К нам, прибалтам, традиционно относились с большим недоверием, чем к представителям других народов. Я родился в сорок девятом, в сибирском поселке Старая Галка.

Там мы жили вчетвером – с матерью, сестрой и бабушкой. Нас выслали в Сибирь в сорок восьмом, родители матери, как нам сказали, оказались представителями старинного баронского рода. И хотя мой дед к тому времени уже давно лежал в семейном склепе на кладбище, «баронства» оказалось достаточно, чтобы выслать жену, беременную дочь и внучку в Сибирь как потенциально опасных представителей старого мира. Интересно, чем могла навредить Советской власти моя старая бабушка или моя пятилетняя сестра? Беременной была моя мама, и, как вы догадываетесь, именно я сидел у нее в животе. А вот с папой все было гораздо сложнее.

О моем отце мама никогда не говорила, словно его никогда и не было. Однажды сестра рассказала мне, что он ушел от нас, когда ей было четыре года. Бабушка говорила сестре, что он бросил семью и уехал в Западную Германию, к своему дяде. Откуда нам было знать, почему он уехал в Германию и почему мама ничего нам не рассказывала? Он уехал за восемь месяцев до моего рождения и за полгода до нашего выселения из Латвии. Уезжая в Германию, он не знал, что моя мама ждет ребенка.

Мы провели в Сибири больше пяти лет. Об этом времени у меня почти не осталось воспоминаний. Я только помню большую крестьянскую избу, где всегда было тепло и весело. Мы жили в крестьянской семье, где, кроме нас с сестрой, росло еще четверо ребят. И нужно сказать, что мудрые крестьяне понимали все гораздо лучше наших доморощенных «политиков» из КГБ. Они чувствовали разницу между настоящими врагами и несчастными людьми, случайно ставшими жертвами этого молоха. К нам относились всегда хорошо, а сестре в школе даже не намекали, что она из семьи «врагов народа». Хотя формально мы не считались «чесизрами», то есть членами семьи изменников родины. Дедушка умер в тридцать восьмом, и мы были просто ссыльными поселенцами.

Пять с половиной лет пролетело довольно быстро. Во всяком случае, так мне говорила моя сестра, которой к тому времени шел уже одиннадцатый год. Она училась в четвертом классе и уже говорила по-русски без всякого акцента, когда однажды к нам домой приехал сам начальник районного отдела КГБ. В пятьдесят четвертом так стали называть органы разведки и контрразведки. До этого местные отделения КГБ назывались сначала отделами НКВД, затем МГБ, позже МВД.

Нужно было жить в те времена, чтобы понимать, какое значение имел визит руководителя районного КГБ в глухое сибирское село. Все население деревни знало о визите важного гостя. Но самое удивительное было не в том, что он впервые приехал в это село. Поразительно, что, кроме правления, куда он обязан был зайти, редкостный гость пришел еще и в наш дом. Наши хозяева были не то что напуганы, даже трудно подобрать слова, чтобы описать их чув-

ства. Если бы они были по-настоящему религиозными людьми, они бы решили, что к ним явился сам Господь. Или по меньшей мере кто-то из его архангелов. Приехавший оказался довольно молодым и приятным человеком, не более тридцати пяти лет. Помню, как он улыбнулся мне и даже дал конфету, которую тут же отняла у меня сестра. Он явился к нам с председателем колхоза, который часто кашлял, наверное, скрывая свое смущение.

Потом важный гость и моя мама о чем-то говорили наедине. Вдруг дверь распахнулась, и он попросил принести воды. Бабушка закричала. Я помню ее крик. Она, очевидно, посчитала, что непрошенный гость убил дочь. Ничего хорошего от представителей Советской власти она уже не ждала. Тем более от сотрудников КГБ. Председатель колхоза принес воды. Я почему-то громко заплакал, и в этот момент гость подошел ко мне, поднял меня высоко к потолку и, улыбаясь, сказал:

– Значит, вот ты какой, Эдгар Вейдеманис-младший.

Откуда мне было знать, почему он назвал меня так? И откуда я мог знать, что моего отца звали Эдгаром и в его честь моя мать назвала меня этим самым дорогим для нее именем? Откуда мне было знать, что бабушка ненавидела даже мое имя и называла меня по-разному, лишь бы не произносить – Эдгар? Она считала, что мой отец бросил семью и сбежал и мать должна теперь навсегда вычеркнуть его из своего сердца.

Мама пришла в себя и начала одеваться. Я помню ее трясущиеся руки, помню, как нервно подергивалось ее лицо. Господи, как мне было тогда страшно. Я боялся на нее взглянуть. Даже бабушка не понимала, что же происходит. Мать попросила ее быстро одеть меня.

– Почему? – спросила бабушка по-латышски. Они никогда не говорили при людях на латышском, справедливо полагая, что, проживая в чужом доме, нельзя секретничать от хозяев. Впервые за несколько лет она не захотела говорить по-русски, даже находясь среди стольких людей.

– Так нужно, – твердо сказала моя мама.

Бабушка вдруг побледнела, схватила меня в охапку, прижала к себе и крикнула:

– Они хотят его забрать? Они хотят забрать его вместо отца?

Мама обернулась. Что-то блеснуло в ее глазах. Она собиралась улыбнуться или рассмеяться. Но вместо этого у нее снова дрогнули губы, и она заплакала. Подошла к бабушке, обняла ее, слезы продолжали беззвучно катиться из ее глаз. Она ничего не рассказывала, не объясняла. Но бабушка шестым чувством уловила настроение, почувствовала дочь. Они стояли и плакали вместе. А потом меня одели, и мама, усадив меня в машину рядом с собой, почему-то обняла меня, прижала к себе и нежно-нежно поцеловала. А потом еще и еще. Но перед этим бабушка отвела меня в другую комнату, перекрестила и надела крестик, который чудом хранила все эти годы.

– Береги его, Эдгар, – шепнула на прощание бабушка.

Мы ехали долго. Машина дважды останавливалась – несмотря на раннюю осень, снега было уже достаточно. Мать дрожала, словно в лихорадке. Я помню, как дрожали ее руки, когда она поправляла платок на голове. Никогда прежде я не видел ее в таком состоянии. Она была как одержимая и, даже разговаривая со мной, смотрела куда-то невидящими глазами. А потом мы приехали. Нас повели в большой дом. Я никогда раньше не видел таких огромных строений. Мы поднялись на третий этаж, нам показали на какую-то дверь, и мама сделала несколько неуверенных шагов вперед. Дверь открылась.

На пороге стоял высокий светловолосый мужчина. Он смотрел на маму и на меня. Стоял и смотрел. И я видел в его глазах что-то совсем непонятное, что-то страшное для меня. У него дергался глаз. Я видел, как дрожал его левый глаз. Он пытался что-то сказать и... молчал. А потом он шагнул к моей маме, и мама бросилась к нему. Она бросилась к этому чужому человеку, обняла его и начала целовать. Господи! Как она его целовала! Примерно так же, как и меня до этого, в машине. Нет, не так. Она целовала его немного по-другому. Она целовала

его так, как целуют самого дорогого человека после долгой разлуки. А он сжимал ее в своих объятиях, отвечая на ее поцелуи, сжимал так, словно хотел задушить. Заревев от гнева и ужаса, я бросился на этого человека. Я хотел его убить, растоптать, задушить, отобрать у него свою маму. И выбросить незнакомца на улицу, вышвырнуть его из нашей жизни, спасти себя и свою маму.

Я колотил его по ногам изо всех сил, кричал, плакал. Но незнакомец вдруг выпустил из рук маму, сгреб меня в охапку и поднял высоко над собой. Я закричал от ужаса. Но мама не пришла мне на помощь. Она стояла рядом и улыбалась. Я не мог понять, почему она меня предала, ведь до сегодняшнего дня она любила меня больше всех на свете. Почему она не вырывала меня из рук этого дядьки. Но в эту секунду она даже не смотрела на меня, она смотрела на него и улыбалась. А он, подняв меня над головой, словно разглядывая, вдруг спустил пониже, прижал к себе и начал целовать. Я почувствовал его незнакомый запах, прикосновение его чужих губ.

– Эдгар, – повторял он как заклинание, – мой Эдгар.

Никогда больше отец вот так не поднимал меня на руки. Никогда не позволял себе подобной сентиментальности. Но в это мгновение его словно прорвало. Я вдруг понял, что незнакомец не сделает ничего плохого ни мне, ни нашей семье. Я успокоился, а он продолжал меня целовать, бормоча, как заклинание, мое имя. И в этот момент я услышал голос мамы:

– Это твой отец, Эдгар. Твой отец. Он вернулся.

Я посмотрел на незнакомца и вдруг понял, что у меня теперь будет отец. Но я радовался этому обстоятельству в основном потому, что смогу теперь хвастаться отцом перед соседскими ребятами. Похорошки с фронта находили даже это далекое село, и многие ребята росли уже без отцов. Как мы завидовали тогда тем, у кого вернулись живые отцы. Как же мы завидовали им...

...Мне все-таки не нравится этот типчик в углу. Я поднимаюсь и иду в туалет. Кажется, он тоже поднялся. Неужели они полагают, что я смогу сбежать из туалета, или они боятся, что я покончу с собой? Но это не входит в мои планы. Уже входя в туалет, я оборачиваюсь. Никаких сомнений. Он идет прямо ко мне. Наверно, собирается дежурить у дверей. Может быть, они боятся чего-то другого? Но чего?

За несколько дней до начала Москва. 30 марта

В этот день у них было назначено свидание в ресторане. Дронго был знаком с несколькими известными адвокатами в Москве. Давида Самуиловича Бергмана знал довольно давно. Бергман был известным адвокатом, который не только сохранил клиентуру с советских времен, но и сумел подтвердить свою репутацию в середине девяностых, блестяще проведя ряд процессов в Москве и Санкт-Петербурге. Достоинствами Бергмана были его безукоризненное знание законов, умение использовать малейшие оплошности обвинения и сугубое внимание к мелким деталям, которые обычно ускользали от внимания следователей.

В свою очередь Бергман знал Дронго как одного из самых лучших аналитиков, который не раз помогал представителям правоохранительных служб в ряде сложных расследований, причем помогал не только сотрудникам прокуратуры, выступая на стороне обвинения, но в ряде случаев и адвокатам, становясь на сторону несправедливо обвиненных жертв судебного и прокурорского произвола, незаконно осужденных заключенных.

Они относились друг к другу с должным уважением, сдобренным самоиронией, принятой в среде профессионалов высокого класса. Оба отличались еще одним роднившим их качеством – господа эти были заядлыми гурманами. Но если Дронго умудрялся сохранять неплохую физическую форму и весил чуть меньше ста килограммов – при росте метр восемьдесят семь, то Давид Самуилович весил больше ста пятинадцати кг, будучи на пятнадцать сантиметров ниже ростом. Бергман предпочитал классические костюмы-тройки и постоянно менял очки, которых у него было несколько дюжин.

В Москве в середине девяностых открылось много прекрасных ресторанов, известных не только своими «кусающимися» ценами, но и изысканной кухней. Несмотря на августовский обвал девяносто восьмого и изрядный отток богатых клиентов, в столице сохранялось немало мест, где можно было пообедать вкусно и с комфортом.

Они выбрали ресторан «Монте-Кристо», что на проспекте 60-летия Октября. Кабинет для особо важных гостей был заказан заранее; когда Дронго приехал на место встречи, выяснилось, что Бергман его уже ждал.

– Я решил прийти чуть раньше, – признался адвокат, пожимая руку Дронго, – у меня оказалось немного времени, и я подумал, что можно позволить себе подождать вас тут. Спасибо за приглашение, я, кстати, не был еще в этом ресторане.

– Я тоже, – заметил Дронго, усаживаясь за столик, – но мне понравилось рекламное объявление этого заведения. В разделе «часы работы» было указано, что ресторан работает «с двенадцати часов дня и до последнего посетителя». Согласитесь, это говорит об определенном уровне обслуживания.

– Согласен, – улыбнулся Давид Самуилович, которому официант подал меню. – Потрясающе! – восхищенно отреагировал он тут же. – У вас безошибочная интуиция, Дронго. Посмотрите только, как поэтично описаны блюда. Просто прелесть! «Каменный окунь, запеченный на углях с пряными травами и томатом, сервированный лимоном и отварными молодыми овощами, на соусе из осветленного сливочного масла с пикантными специями», – процитировал он. – Черт возьми, да это настоящая поэма! Или вот еще – «Филе дикого французского кабана, маринованное пряными травами, фаршированное черносливом и жареными грецкими орехами, запеченное со свежим помидором и сыром „Эмменталь“, с соусом из красного вина, можжевельника и брусники». По-моему, здесь работал не шеф-повар, а живой классик.

– Возьмите лучше рулет из ягненка, – посоветовал Дронго, – и выберите себе салаты по вкусу. Кстати, какое вино вы предпочитаете – французское, американское?

– Американское. У французов большее разнообразие, зато калифорнийские вина, как правило, более насыщенные и с редким букетом.

– Какое конкретно вино? – спросил Дронго.

– Каберне совиньон восемьдесят пятого или восемьдесят седьмого года, – попросил Бергман, – и минеральную воду.

– Теперь я убедился, вы действительно настоящий гурман, – улыбнулся Дронго, когда официанты покинули кабинет. Он оглянулся, многозначительно взглянув на портфель, лежавший на стуле, в углу кабинета.

– Надеюсь, вы пригласили меня не для того, чтобы убедиться в этом? – засмеялся Давид Самуилович.

– Не только. Думаю, что вы уже знаете, почему я вас пригласил.

– Догадываюсь, – подмигнул ему Бергман, на его румянном круглом лице появилось лукавое выражение, – хотя не уверен, что вы будете играть на моей стороне.

– Почему?

– Иначе вы бы назначили встречу в другом месте, – притворно вздохнул адвокат. – Впрочем, я вам все равно благодарен. Место для встречи вы выбрали неплохое.

– Я хочу поговорить с вами о деле Рашита Ахметова, – признался Дронго.

– Я занимаюсь этим делом не так давно, – сказал Бергман, – он наделал много глупостей и ошибок, но я надеюсь, что общими усилиями нам удастся отстоять его доброе имя.

– После того, как вы приняли на себя защиту его интересов, он отказался от первоначальных показаний.

– И правильно сделал. Следствие велось с грубейшими нарушениями закона, вся процедура его ареста и обысков была одним сплошным нарушением. Почему он должен во всем признаваться и брать на себя вину других людей?

– Давид Самуилович, – мягко заметил Дронго, – вы же знаете, как на самом деле все произошло. Только в сейфе у него было найдено шестьдесят тысяч долларов. Я внимательно знакомился с его делом. На даче обнаружили сто восемь тысяч долларов. Это зарплата обычного служащего за тысячу лет его работы.

– Смешно, – сказал Бергман без улыбки, – только вы забываете, что он не обычный служащий, а заместитель министра. У него были акции ряда компаний, он имел привилегированные нефтяные акции. Незаконное происхождение денег еще нужно доказать. Что касается денег в сейфе, то это явная подставка. Сотрудники прокуратуры и милиции открывали сейф своим ключом, хотя у самого Ахметова был ключ. Почему они не воспользовались его ключом?

– Насколько я понял из материалов дела, он отказался отдавать им свои ключи.

– И они ему поверили. Вы же профессионал, как вы можете так говорить! – укорил собеседника Бергман. – Если у них была санкция на арест и обыск, они обязаны были обыскать Ахметова и найти ключи. А только потом открывать сейф. И не в присутствии такого свидетеля, как секретарь Ахметова, которая от волнения ничего не помнит.

– Они чувствовали себя неуверенно. Все-таки не каждый день приходится арестовывать заместителей министров.

– Это их проблемы, – улыбнулся Бергман.

Официанты вошли, чтобы поставить закуски. Один разлил вино по бокалам, и Бергман с видимым наслаждением сначала вдохнул аромат, а затем сделал глоток густой красной жидкости.

– Изумительно, – сказал он восхищенно, – принесите нам, пожалуйста, еще одну бутылку. Боюсь, что одной окажется маловато.

Когда официанты удалились, Бергман поднял бокал.

– Мне всегда приятно общаться с профессионалами вашего уровня, – искренне произнес он.

– Взаимно, – сделал ответное признание Дронго. Вино действительно оказалось превосходным. Сделав глоток, он поставил бокал на стол. – Не буду с вами спорить, – продолжал Дронго, – в юридической казуистике вы наверняка положите меня на обе лопатки. Я собирался спросить вас о другом. Вы наверняка знаете, что основным обвинением против Ахметова будет эпизод с нефтяной компанией «ЛИК», которую возглавлял некто Труфилов. Судя по всему, именно с согласия Ахметова был проведен явно незаконный аукцион, на котором контрольный пакет акций был передан другой, гораздо более мощной компании, которая и без того собиралась поглотить «ЛИК».

– Насколько я знаю, вы не правы, – улыбнулся Бергман. – Действительно были сомнения относительно этого аукциона, но дело рассмотрел суд, и суд подтвердил, что контрольный пакет компании «ЛИК» на абсолютно законных правах куплен компанией «Роснефтегаз». Какие могут быть еще претензии?

– Никаких, – согласился Дронго, пережевывая сочную шейку, – но остается еще один важный момент. Кто-то убрал посредника Силакова, решив, что он может быть опасным свидетелем.

– Мои соболезнования его семье, – пробормотал Бергман, – в такой игре всякое может случиться. Кто-то выигрывает, кто-то проигрывает. Когда играют такие крупные ставки, одна жизнь не столь большая плата.

– Согласен, – кивнул Дронго, – но остался на свободе некто Чиряев.

– Я знаю, – сказал Бергман, отпивая вино, – знаю, что Романенко и компания пытаются приписать Ахметову знакомство с этим бандитом. Но это дохлый номер. Ничего у них не получится. Ахметов в жизни не видел Чиряева и никогда с ним не разговаривал.

– Потому, что с ним разговаривал Силаков.

Бергман хмыкнул. Осторожно подцепил вилок шляпку маринованного грибка, отправил ее в рот, тщательно прожевал и вполне дружелюбно заметил:

– Не нужно брать меня на мушку за каждое слово. Я и так нарушаю адвокатскую этику, соглашаясь беседовать с вами о деле, которое еще не завершено. Тем более что вы явно выступаете на стороне Романенко и компании. Но услуга за услугу. Вы можете мне сказать, что конкретно вы должны сделать?

– Двенадцатого мая в берлинском суде будет рассмотрена апелляция российской стороны по поводу выдачи Чиряева. Я собираюсь сделать все, чтобы Чиряева выдали Москве и он дал показания против вашего подзащитного.

– Смело, – пробормотал адвокат, – ничего не скажешь, смелый шаг. Но боюсь, что вы будете разочарованы. У прокуратуры нет веских свидетельств о связи Чиряева с моим подзащитным. Все строится на пустых домыслах. Нет конкретных свидетелей, нет конкретных доказательств. А немецкий суд руководствуется в первую очередь законом. И согласно немецкому законодательству, Чиряева так просто не выдадут. Даже несмотря на все его предыдущие преступления. Скорее всего его выдадут Австрии, где он получит три года за неуплату налогов. Или заплатит штраф и будет освобожден прямо в зале суда.

– Не будет, – уверенно произнес Дронго, – я намерен сделать все от меня зависящее, чтобы до двенадцатого мая представить доказательства вины Чиряева и его связей с Ахметовым.

– То же самое обещал и Романенко, еще до первого слушания в суде дела Чиряева. И тем не менее ничего не добился. В Германии уже дважды рассматривали возможность выдачи Чиряева и дважды отказывали. Я думаю, что шансов доказать что-то в третий раз у вас немного.

Дронго взял бутылку, наполнил сначала бокал собеседника, затем налил себе. Дождавшись, пока адвокат возьмет свой бокал, спросил:

– А если я смогу все же найти до двенадцатого мая Труфилова?

Бокал в руке Давида Самуиловича заметно дрогнул. Он непроизвольно дернул голову в сторону своего портфеля. Но быстро справился с волнением, сделав несколько торопливых глотков, спросил как бы равнодушно:

– Кто такой этот Труфилов?

– Вы переигрываете, Давид Самуилович, – с упреком заметил Дронго, – ведь прекрасно знаете, как звали бывшего генерального директора нефтяной компании «ЛИК».

– Может быть, и знаю, – без тени смущения заметил Бергман, – но не понимаю, при чем тут Труфилов. И какая разница – найдете вы его или нет?

Официанты принесли очередную перемену блюд, собеседники вновь замолчали, дожидаясь, пока останутся наедине.

– Вы были правы, – пробормотал Бергман, – ягненок действительно выше всех похвал. Редко где в московских ресторанах умеют готовить баранину. Если не считать нескольких, где шеф-повара кавказцы.

– Я тоже так считаю, – согласился Дронго, – а насчет Труфилова могу заметить, что он сбежал, и вы, очевидно, строите свою защиту, используя именно то обстоятельство, что у Романенко нет главного свидетеля.

– Скорее, одного из обвиняемых, – заметил адвокат. – Если все, что вы говорите, правда, тогда Труфилов такой же обвиняемый, как и прочие. Почему вы так уверены, что он согласится дать показания против Чиряева?

– Совсем не уверен. Но я собираюсь его найти именно для того, чтобы убедить дать эти показания. Пока Труфилов жив, он реальный кандидат в покойники. Чиряев и люди, стоящие за ним, не оставят его в живых. Если учесть, что Труфилов раньше работал в военной разведке, он и сам это прекрасно понимает. Мне остается только найти его...

– Зачем вы решили со мной встретиться? – Бергман нахмурился. – Хотите меня испугать? Или договориться? Вы же понимаете, что это бессмысленно. Я никогда не пойду ни на какие сделки в ущерб своему клиенту.

– Безусловно. Именно поэтому я и хотел с вами встретиться. Вы умный человек, Давид Самуилович, и понимаете, что может случиться, если я найду Труфилова и заставлю его дать показания против Чиряева. В таком разе полетит не только ваш подзащитный, но и все руководство компании «Роснефтегаз». А это уже гораздо серьезнее, чем арест даже такого человека, как Ахметов. Отсюда вывод – я решил встретиться с вами, чтобы сообщить вам о своем обязательстве найти столь важного свидетеля, как Труфилов.

– Почему они не открыли вторую бутылку? – пробормотал Бергман.

– Что? – не понял Дронго.

– Нужно позвать человека, чтобы открыл вторую бутылку, – задумчиво проговорил адвокат и без всякой связи с этой фразой изрек: – Вы или безумец, или авантюрист. Простите за откровенность. Но почему вы сообщаете о своем плане именно мне? Вы же прекрасно понимаете, что содержание нашей беседы может стать известно моему подзащитному. Или людям, которые платят мне за защиту Ахметова.

– На это я и рассчитываю, Давид Самуилович. Дело в том, что у меня очень мало времени. И если Труфилов действительно сбежал в Европу, то найти его за оставшиеся полтора месяца – чистая авантюра. Или безумие – как хотите. Но с вашей помощью я надеюсь это сделать.

– Каким образом?! – У Бергмана пропал всякий аппетит. Он еще раз посмотрел на свой портфель, лежавший в углу.

– Вы наверняка сообщите о том, что Романенко в моем лице решил начать активный поиск Труфилова, – охотно пояснил Дронго. – И другая сторона, которая не заинтересована в осуждении Ахметова, еще с большей интенсивностью продолжит поиск исчезнувшего директора нефтяной компании. Если учесть, что он бывший сотрудник ГРУ и умеет прятаться, то поиски будут нелегкими. Но у меня появится шанс. И знаете почему? Потому что за ним будут

охотиться люди, не заинтересованные в том, чтобы Труфилов появился в Москве. Они будут выполнять роль егерей, которые гонят на меня добычу охотника. Остаться безучастными они не смогут. А когда «добыча», то бишь Труфилов, убедится в том, что на него идет облава, он скорее всего согласится с моими доводами – приехать в Москву и выступить против Чиряева.

– А знаете, это интересно, – прошептал Бергман почти интимно, наклоняясь к Дронго, – но если его «затравят» те самые егеря, о которых вы говорили... Если им и достанется эта добыча.

– Риск существует, – согласился Дронго, – но я думаю, что лучше искать человека, которого обложили со всех сторон, чем самостоятельно пытаться найти бывшего разведчика в Европе. Вы со мной не согласны?

– А вы не боитесь? – ответил вопросом на вопрос Давид Самуилович, в упор глядя на Дронго. – Ведь егеря могут по ошибке начать стрелять и в охотника. Говорят, иногда такое случалось на охоте.

– Не боюсь. Дело в том, что Романенко располагает целой группой охотников, которые будут работать со мной. Они двинутся широким кольцом, и смерть одного охотника ничего не изменит.

Официант открыл вторую бутылку, разлил вино по бокалам и тут же исчез. Бергман посмотрел ему вслед, тяжело поднялся и подошел к своему портфелю, лежавшему на стуле. Щелкнул замком, достал магнитофон, который записывал беседу, и выключил его, положив обратно в портфель. Дронго молча наблюдал за ним.

– Покойный Яков Аронович был о вас хорошего мнения, – почему-то сказал Бергман, – вы ведь знали Гольдмана?

– Якова Ароновича? Конечно, знаю. Это известный бакинский адвокат. Знаю с самого детства. Они большие друзья с моим отцом.

– В свое время Гольдман вел знаменитое дело Малышева, – напомнил Бергман, – я ему тогда помогал. Малышев был руководителем ОБХСС Одесской области. Гольдману удалось сделать невозможное в советские времена. Он не только добился освобождения Малышева, но и сумел доказать вину руководителей области, прокуратуры и КГБ. Он встречался со всеми свидетелями только на улице, чтобы избежать подслушивания. Вы понимаете, почему я вспомнил эту историю?

– Понимаю.

– Я должен буду отдать эту пленку людям, которые знают о нашей встрече, – вздохнул Бергман, – должен сказать, что Яков Аронович отзывался о вас очень тепло. Он рассказывал мне, что всегда с особым чувством симпатии относился и к вам, и к вашему отцу.

– У нас были взаимные симпатии, – Дронго все еще не понимал, куда гнет Бергман.

– Будьте осторожны, – вдруг тихо произнес адвокат, – эти люди не станут шутить. Я не смогу вам помочь. Вы меня понимаете?

Дронго кивнул. Он получил подтверждение своим опасениям. За делом Ахметова стояли гораздо более серьезные люди, чем думал Романенко.

– Почему вы так рискуете? – спросил Бергман.

– Слишком мало времени. К тому же другая сторона все равно узнает о нашем желании найти Труфилова. Любой шаг группы Романенко становится известен им, а через них и вам. Разве я не прав?

Адвокат уклонился от ответа. Он молча смотрел на бокал с вином, словно размышляя, как именно сформулировать мысль.

– Мне говорили, что вы умный человек, – задумчиво произнес Бергман, – теперь я понял, что вы еще и смелый человек. Выпьем за вашу удачу. Для меня проигрыш будет означать всего лишь неудачу на процессе, который я вел. Для вас проигрыш будет равносителен смерти. Я искренне желаю вам остаться в живых, Дронго. Надеюсь, что мы с вами встретимся и после

двенадцатого мая. Если вы останетесь в живых, я приглашу вас в этот ресторан четырнадцатого числа. Договорились?

– В таком случае можете прямо сейчас заказать столик.

– Вы еще и самонадеянны, – грустно заметил адвокат, – мне уже за шестьдесят, и я повидал в этой жизни больше чем нужно. Не стройте иллюзий, Дронго. Это дело вам не по зубам. Вопрос даже не в том, удастся ли вам найти Труфилова. Если даже произойдет чудо и вы его найдете, то и в этом случае он откажется работать с вами. Даже в том совсем уж маловероятном случае, если вы все же сумеете его убедить сотрудничать с группой Романенко, вам элементарно не удастся доставить его живым в Москву. У вас так мало шансов, что я даже не хочу их просчитывать. Можно сказать, что у вас нет шансов вообще. Откажитесь от этой безумной авантюры, пока не поздно. Вам не дадут довести дело до конца. Чиряев никогда не будет в Москве и не даст показаний. Это абсолютно исключено.

– Я все-таки попытаюсь, – пробормотал Дронго.

Бергман замолчал. Он смотрел на блюдо, стоявшее перед ним, и молчал. Затем взял нож и вилку. И медленно произнес:

– Иногда я думаю, что без таких идеалистов, как вы, жизнь была бы неинтересной. Вы еще молоды. Попробуйте. Может быть, вы и сумеете сделать невероятное. Хотя я, честно говоря, не представляю, как это у вас получится. За ваше здоровье, Дронго, – поднял он свой бокал, – оно вам очень понадобится в ближайшие дни. Будьте здоровы!

– Спасибо, – едва слышный звон бокалов нарушил тишину кабинета.

– А теперь я снова включу свой магнитофон, – сказал Бергман, – и давайте поговорим о чем-нибудь другом. Например, о литературе. Мне говорили, что вы хорошо владеете английским. Кого из современных англоязычных писателей вы бы посоветовали почитать?

Начало Амстердам. 12 апреля

Я выхожу из туалетной комнаты. Выхожу и натыкаюсь на неприятного типчика, стоящего прямо у дверей. Он нервно оглядывается и шепотом спрашивает:

– Вы Вейдеманис?

У меня нет таких знакомых. Если учесть мою профессиональную память, то я могу сказать точно: никогда в жизни не встречался с этим типом. Да и вообще трудно поверить, что в такой момент в самолете оказался знакомый.

– Что вам нужно? – громко спрашиваю я.

Он настороженно оглядывается. Может, ждет Широкомордого? Наверное, я даже переоценил свои возможности, и мне не дадут долететь до аэропорта. Ликвидируют прямо в самолете. Получили соответствующее указание накануне визита – сейчас ведь никаких проблем со связью нет, у всех при себе мобильные телефоны. Так что вполне вероятно.

– Не так громко, – просит незнакомец, – не нужно кричать. Я хотел бы с вами поговорить.

– Идемте в салон, – предлагаю я, кивая на занавески, отделяющие нас от салона, – рядом со мной есть пустое место.

– Нет, нет, – отказывается он, – не стоит туда идти. Я бы хотел поговорить с вами здесь.

– О чем же? Я ведь вас не знаю. – Я опять говорю громко с таким расчетом, чтобы услышали в салоне. На случай, если он захочет меня убраться, – появляются свидетели.

– Не шумите, – снова просит он меня, – я дам вам свои координаты. В Амстердаме я остановлюсь в отеле «Виктория». Это напротив вокзала. Если хотите, встретимся там. У вокзала, сегодня в девять вечера.

– Не хочу. Пропустите меня на мое место.

– Это очень важно, – почти умоляет незнакомец. – Поймите, речь идет о вашей жизни...

В этот момент из-за занавески появляется особа лет сорока пяти, в немыслимом макияже и пестром «прикиде». Цепочки, ожерелья, браслеты всех форм и цветов делают ее похожей на рождественскую елку.

– Простите, милые мужчины, – говорит она, улыбаясь ярко накрашенным ртом, – вы пропустите даму в туалет или он заблокирован?

– Извините, – говорю я, отодвигаясь и пропуская игривую даму. На меня накатил волна аромата ее резких духов. Почему это вульгарные особы и душатся так, словно хотят отравить всех окружающих? Впрочем, она, бедняжка, наверное, не виновата. Я где-то читал, что дело не в парфюмерии. Смешиваясь с запахом тела, духи каждый раз создают свой неповторимый аромат. Поэтому от разных людей исходят разные запахи, даже если они употребляют одинаковые духи. Лично я еще в институтские времена употреблял после бритья лосьоны нашей рижской фабрики. Это был «мой» запах. А после того, как попал за рубеж, у меня появился интерес к продукции Пако Рабана. Может, потому, что мне нравился стиль его одежды. Одежду фирмы я покупать не мог, у меня не было таких денег, а вот флакончики духов появлялись регулярно. Одна-две капли – для поднятия тонуса. Мужчине больше и не нужно. Но это я подумал так, между прочим. А мой «благодетель» тем временем сразу исчез в салоне, словно и не подходил ко мне. Странно. Неужели таким образом он хотел признаться, что следит за мной? А к чему слова, что речь идет о моей жизни? Значит, у них есть приказ меня убраться... Черт возьми, столько вариантов, что можно запутаться.

Из салона вышел еще один мужчина – высокий, с желтоватым цветом лица, словно болен желтухой, жидковатые волосы зачесаны назад.

– Простите. – Он выразительно смотрит на меня, проходя по проходу к туалету, но дверца уже заперта. Помещение занято дамой. Я пожимаю плечами и возвращаюсь на свое место. Через час мы будем в Амстердаме.

Мне всегда нравился этот город, один из немногих городов с какой-то невообразимо пьянящей атмосферой свободы. И дело не в наркотиках, которые разрешены в этой европейской стране. Дело даже не в толпах хиппи, стекавшихся сюда со всего мира. Все дело в самих голландцах – невозмутимых, спокойных, внешне замкнутых и одновременно добродушных и гостеприимных людях.

Первый раз в Амстердам я попал еще пятнадцать лет назад. Тогда любой выезд из Советского Союза воспринимался как праздник. Молодым уже не понять, что такое «железный занавес». Мощный щит, сквозь который просачивались только единицы. Любой выезд за рубеж рассматривался как потенциальная возможность измены. Любой, побывавший «за щитом», внушал властям опасения. Конечно, при Брежневe уже не считали врагами народа всех, кто бывал за границей, но все же. В анкетах, которые мы заполняли на выезд, следовало указывать: «Под судом и следствием не был. Осужденных в семье не имею. Родственников за границей нет». Все прочие считались почти что «пятой колонной». А может, правильно считались? Ведь любой, побывавший хотя бы один раз на Западе, начинал мучительно размышлять, почему *у них* и продуктов изобилие, и жить можно, ничего не боясь, можно критиковать собственное правительство, и в прессе прочтешь о великих мира сего такое... У нас же языки развязываются только на кухне, под звуки капающей воды и работающего радио. Одним словом, куча вопросов и сомнений, а для режима это было равносильно бунту.

Стоп, стоп... А сам-то ты? Я ведь был верным винтиком системы. Я работал в КГБ, и от этого никуда не денешься. Но тогда мы все жили идеалами наших отцов и дедов. Верили в прекрасное будущее человечества. Мы даже не подозревали, что размахистая подпись Сталина, перечеркнувшая всю Европу, приписала маленькую Латвию к «великой Родине». Мы ничего не знали об ужасах сталинского режима в тридцатые годы. Хотя я должен был догадаться, но вот поди... Ведь мое детство прошло в далеком сибирском поселке, куда нас выслали только потому, что мой дед был потомственным бароном, хотя и умер за десять лет до того, как нас выслали.

Уже позже я начал понимать, почему в нашу судьбу не вмешались «компетентные органы». Мой отец был сотрудником НКВД, работал в разведке и был послан в длительную служебную командировку в Западную Германию. Он честно предупредил маму, что уезжает на «неопределенно долгое» время, и просил ждать его. Но получилось, что нас выслали через несколько месяцев, и его письма, которые он наверняка передавал через своих товарищей, уже не доходили до нашей семьи. Мама плакала ночами, не понимая, где же ее муж. Можно только представить себе силу любви этой женщины! Она родила мужу сына, пять с лишним лет надрывалась в Сибири и ни разу не позволила себе усомниться в его честности! Вряд ли мужчина способен на такое самопожертвование. А ведь мама была красивой женщиной. И очень нравилась молодому вдовцу – председателю нашего колхоза, потерявшему во время войны свою семью.

Вернувшись через пять с половиной лет, отец с ужасом узнал, что его семью депортировали в Сибирь. Потом он объяснял нам, что это была «ошибка». Мама не успела оформить документы на фамилию отца и проходила по делу под своей девичьей фамилией. Но отец был умный человек и понимал, почему нас выслали. Позже в разговоре со мной он подтвердил мои предположения. Конечно же, происхождение деда не играло тут никакой роли. Руководство НКВД просчитало, что он может не вернуться: либо останется на Западе у своего родственника, либо будет раскрыт как нелегал и погибнет. В любом случае шансов выжить у этого «агента» было мало. А значит, семью следует выселить подальше в Сибирь. Такой вариант выгоден еще и тем, что Вейдеманису, семью которого сослали, больше поверят на Западе. В

конце сороковых никого не трогали страдания людей – все во имя победы! Во имя победы над врагом можно отправить в Сибирь не только семью, но и целые народы.

Первое время нам с сестрой трудно было привыкнуть к отцу, к его появлению в доме, к его улыбке, запаху, одежде. Он вел себя деликатно, не старался сразу навязать себя детям, мастерил для меня кораблики, помогал сестре решать задачи по математике. Постепенно мы к нему привыкли. Мы вернулись в Ригу, получили хорошую трехкомнатную квартиру. Бабушка жила с нами, хотя мы чувствовали, что она по-прежнему недолюбливает отца.

В четырнадцать лет я отказался вступить в комсомол. Именно тогда у меня произошел первый серьезный разговор с отцом. На дворе уже были позднехрущевские времена, и мой отказ мог спровоцировать нашу вторую высылку в Сибирь. Отец ходил мрачный, но до поры молчал. В пятницу вечером отец предложил мне съездить в Сигулду на воскресенье.

Дело было в мае, с моря дул холодный ветер, но мы ходили по пляжу, не обращая внимания на погоду. Отец расспрашивал меня о занятиях в школе, о товарищах. Потом предложил зайти в небольшое кафе, которое встретилось нам на пути. Мы сели за столик, заказали кофе и булочки. Отец вдруг спросил:

– Ты отказался вступить в комсомол?

– Да, – с некоторым вызовом сказал я, уже сообразив, что это «работа» мамы, – не хочу быть в их молодежной организации. Они нас в Сибирь высылают, а я буду членом комсомола. Не желаю.

– Это тебе бабушка так сказала? – улыбнулся он своей грустной улыбкой.

– Нет, не бабушка. Я сам решил.

– Ну конечно. Ты уже взрослый, все сам можешь решать. Только не торопись, подумай еще раз. У тебя впереди длинная жизнь. И нельзя решать вот так – наотмашь.

– Но они же выслали нас в Сибирь, – упрямо твердил я.

– Я помню, – сказал он.

– А ты в это время нас бросил и уехал в Германию, к другой женщине. Бросил маму и нас! – Мальчишки могут быть злыми и несправедливыми. У него дернулось лицо.

– Уехал, – повторил он, – действительно уехал. Только твою маму я не бросал. Я ее всегда очень любил. Просто были такие обстоятельства.

– Если бы любил, не уехал бы, – твердил я, – она столько лет одна была. И нас ты тоже бросил.

– Поэтому ты теперь и не вступаешь в комсомол? – снова улыбнулся он.

– И поэтому тоже. Это русские придумали комсомол. Для нас, латышей, он не нужен. А все, кто служит в КГБ, работают на Москву и предают Латвию. – Я думал почти так, как говорил, каким одномерным виделся мне мир в то время.

– Предаем Латвию... – повторил отец. – Ты плохо знаешь историю, Эдгар. Никто и никого не предает. Жаль, что у вас плохо преподают историю Латвии. В восемнадцатом году, когда распалась бывшая Российская империя, в Москве левые эсеры подняли мятеж. Они были против политики государства, которое решило отдать Латвию немцам. Они были против Брестского мира, который отдавал Германии часть Украины, Белоруссии и нашу родину. В этот момент у правительства не было никаких сил, чтобы защитить свою власть. Никаких, если не считать двух латышских полков. И ты представь себе выбор латышей. Нужно было выбирать между левыми эсерами, которые не хотят отдавать их родину врагу, и правительством в Москве, которое готово отдать Латвию немцам. Как ты думаешь, в чью пользу они сделали выбор?

Я молчал. Я действительно впервые слышал об этой странице нашей истории. Мне хотелось думать, что они сделали правильный выбор в пользу тех, кто не желал отдавать родину врагу. Но я молчал, уже тогда понимая, что отец не стал бы рассказывать мне всего этого, если бы выбор был так прост.

– Они выступили против левых эсеров, – с тяжелым вздохом сообщил мне отец. – Среди тех, кто защитил тогда правительство в Москве, был и твой дед. С точки зрения любого нормального человека получается, что он и ему подобные были предателями, которые выступали за порабощение родины врагом. На самом же деле это были люди, верившие в святыне идеалы пролетарской революции, за которые они готовы были сражаться и умирать.

– А за идеалы можно умирать? – спросил я.

– Можно, – кивнул он, – хотя в последнее время мне кажется, что идеалы, в которые верил мой отец и твой дед, – дело далекого будущего. Их время не пришло. Но это уже вопрос совести и ума каждого. Его жизненного опыта. Если не хочешь вступать в комсомол – не вступай. Только не пой никогда с чужого голоса. Старайся во всем разобраться сам.

– А почему ты нас бросил? – спросил я. – Почему оставил нас одних?

И он вдруг понял, почему я отказался вступать в комсомол. Я хотел показать ему, что никогда не прощу его поступка, что никогда не забуду страданий мамы, которая пять с лишним лет провела одна в далекой сибирской деревне.

– Это ты из-за меня? – Отец смотрел мне в глаза.

Я отвернулся. Мне не хотелось больше говорить на эту тему. Да, наверное, мой отказ был вызовом офицеру КГБ, который оказался моим отцом. Может быть, это было стремлением оправдаться перед мальчишками, которые иногда дразнили меня, зная, где работает мой отец. Или же это было своеобразной мальчишеской мстостью за страдания матери?

– Я тебе никогда не рассказывал, – вдруг сказал отец, – а, наверно, нужно было открыться тебе раньше. Я вас не оставлял. Когда я уезжал в Германию, то думал, что вернусь через несколько месяцев. Я даже не знал, что ты родился...

– А когда узнал, все равно не приехал? У тебя была там другая женщина? – В четырнадцать лет все кажется слишком ясным.

– Не было, – грустно усмехнулся он, – я был ранен, тяжело ранен, и полгода провалялся в больнице. А потом был вынужден остаться в Германии. Меня не вызывали обратно. Поэтому все так и получилось.

– Я тебе не верю, – произнес я, – ты меня обманываешь. Боишься, что тебя выгонят с работы, потому что твой сын не вступил в комсомол. Ты этого боишься?

Он поднялся. Тень пробежала по его лицу. Кажется, он хотел сказать мне нечто грубое. Но сдержался. Он вообще был человеком исключительной выдержки. Снова сел, глядя куда-то в сторону.

Поколебался мгновение и вдруг резким движением поднял свой свитер, выдергивая его из брюк вместе с рубашкой и майкой. И я с ужасом увидел у него на груди два пулевых ранения. Две глубокие раны, уже затянувшиеся кожей, но оставившие на теле свои страшные следы. Я же о них ничего не знал! Не знал о его ранах! Впрочем, отец никогда не ходил раздетым дома...

Я протянул руку, чтобы коснуться шрамов. Он уже опустил свитер. И, ни слова не говоря, поднялся и вышел из кафе.

– Отец, – я побежал следом за ним, – подожди!

Он обернулся. И я сделал самый главный и самый естественный поступок в своей жизни.

– Прости меня, – сказал я ему, – прости.

Иногда я думаю, что человеком я стал в ту самую секунду, когда догадался попросить прощения у своего отца.

– Глупо, – сказал он, – никогда не думал, что так могу сорваться. Я очень люблю твою маму, Эдгар. Давай поедem быстрее домой и купим по дороге цветы. Она так любит цветы.

Больше он никогда не говорил со мной об этих проблемах. В комсомол я в тот год так и не вступил. Меня приняли позже, уже в последнем классе, но с отцом мы стали друзьями на всю жизнь. А это было важнее всего.

Я вспоминал об отце, когда объявили посадку. Я пристегнул ремни и покосился в угол. Тип, который разговаривал со мной у туалета, дремал, прислонившись к иллюминатору. Ему, очевидно, было холодно, и он накинул на себя плед. Странно, что он решил заснуть после столь необычного разговора со мной. Впрочем, все это нужно проверить.

Через пятнадцать минут мы совершили посадку в Амстердаме. Стюардесса принесла мою куртку и с улыбкой протянула ее мне. Я подумал, что мне еще удастся вернуться в Москву. Вторая стюардесса прошла дальше. Она наклонилась, чтобы разбудить заснувшего в углу пассажира. Чуть приподняв плед, она вскрикнула. Мой «доброжелатель» лежал, чуть изогнувшись, он спал вечным сном. В левом боку у него торчал нож. Кто-то всадил его по самую рукоятку, под сердце. Профессиональный удар убийцы. Я вскочил, с ужасом глядя на мертвого. Кто и почему убил его?

Стюардесса продолжала кричать. Из кабины пилотов выбежал командир корабля.

– Передайте в полицию, – приказал он чуть дрогнувшим голосом, – у нас на борту убитый.

Я все смотрел на лежавшего в углу человека. В девять часов вечера, у вокзала, сказал мне он. Речь идет о моей жизни. Получалось, что речь шла и о его жизни. Я смотрел на мертвого и понимал, что такое начало путешествия не сулило мне ничего хорошего.

За несколько дней до начала Москва. 3 апреля

Они договорились с Романенко встречаться в заранее условленных местах, понимая, как важно не обнаруживать их связи. Дронго ждал руководителя следственной группы на квартире, расположенной в отдаленном районе Москвы. Каждый раз, начиная подобное расследование, Дронго снимал небольшую конспиративную квартирку, – его дом оставался вне подозрений. Романенко приехал с опозданием на пятнадцать минут. Раздевшись и пройдя в комнату, он с порога заявил:

– Вы были правы. За вашей квартирой установлено наблюдение. Я попросил ФСБ проверить, кто дежурит в автомобиле, стоящем перед вашим домом. Оказалось, частная охранная фирма «Чаччаран». Их пока не трогают. Вы убеждены, что поступили правильно, решив открыть все карты Бергману?

– Конечно, убежден. Сегодня уже третье апреля. Найти за месяц человека, скрывающегося в Европе, практически невозможно. Даже Интерпол может оказаться бессилён, если у Труфилова документы на чужое имя. А я не сомневаюсь, что так оно и есть. Мы все-таки имеем дело с бывшим военным разведчиком, а не с дилетантом. Значит, он выехал из Москвы под своей фамилией, а уже затем, по прибытии, пройдя регистрацию на границе, оказался в Шенгенской зоне с другим именем.

– Да, мы все проверили, – озабоченно вздохнул Романенко, усаживаясь за стол, – он вылетел из Москвы в Амстердам, а потом его след затерялся. Куда он направился, где скрывается все эти месяцы, один бог знает. Точно известно одно: он пока не выезжал за пределы Шенгенской зоны. Вернее, не выезжал человек с паспортом на имя Труфилова. Возможно, он улетел куда-нибудь в Африку или в Азию под другой фамилией.

– Не думаю. Судя по всему, деньги у него есть. И он понимает, что прятаться нужно среди европейцев или, в крайнем случае, в Северной Америке. Другие варианты исключены. В Африке или в Азии труднее затеряться. Кроме того, я ознакомился с некоторыми подробностями его биографии по материалам, которые вы мне дали. Этот господин работал ранее в странах Европы, знает немецкий и английский. Зачем ему страны Азии? Не исключены еще Австралия, ЮАР и Канада. Это страны, где он будет чувствовать себя достаточно уверенно. Но все же вероятнее Европа, где у него непременно должны остаться связи и знакомства. Если бы мы посмотрели его личное дело из ГРУ, стало бы куда легче.

– Нам его не дадут, – вздохнул Романенко, – мы трижды запрашивали Министерство обороны, ссылались на неотложность розысков, объясняли, что Труфилов уволен из ГРУ почти десять лет назад. Все безрезультатно. Я подозреваю, что они вообще никому не выдают подобных сведений. Мы получали только биографические данные, которые и без того известны. Их даже можно понять. Наверняка среди людей, с которыми общался Труфилов, были и граждане стран Шенгенской зоны, и ныне действующие агенты. В любом случае из ГРУ мы получали только вежливые отказы.

– Именно поэтому я пошел на вариант с Бергманом. Руководство компании «Роснефтегаз» может оказаться более заинтересованным в получении нужных нам сведений. И боюсь, будут куда настойчивее вашей организации.

– Вы хотите сказать, что они могут получить секретные материалы из ГРУ? – изумился Романенко. – Конечно, в нашей стране царит бардак, но не до такой степени.

– До такой, – печально отозвался Дронго, – За последние десять лет я уже ничему не удивляюсь. Мы обязаны предполагать самое худшее. Я думаю, что агентурные данные они, конечно, не получают, но подробности работы Труфилова за рубежом могут поймать. Во всяком случае – адреса людей, с которыми он общался.

– А если они его уберут до того, как мы его найдем?

– Что мешало им сделать это раньше? Труфилов не мальчик. Он понимает степень риска, на который идет. Но надеюсь, что мы окажемся на финише вместе и я получу ценнейшего союзника в лице бывшего майора военной разведки. В конце концов, он просто обязан бороться за собственную жизнь.

– Надеюсь, что вы правы. А что делать с этими типами, которые дежурят у вашего дома?

– Ничего. Уберите оттуда сотрудников ФСБ, чтобы они не спугнули «дежурных». Иначе я не смогу действовать.

– Уже убрал. В агентстве работают бывшие сотрудники МВД и КГБ, я не хотел подставлять наших людей.

– Разумно, – согласился Дронго. – Как, вы сказали, называется это агентство?

– «Чагчаран». Что-то восточное. Сейчас наши выясняют, откуда такое экзотичное имечко. Странно... Мы проверяли, президент компании некто Артемьев, бывший сотрудник милиции, уроженец Перми...

– Чагчаран, – повторил Дронго, – а этот ваш Артемьев не был в Афганистане?

– Кажется, был. Его там ранили, но легко. После возвращения продолжал службу в милиции. А почему вы спрашиваете?

– Я, кажется, понял. Чагчаран – небольшой городок высоко в горах, на перевале Шутурхун. Это совсем недалеко от туркменской границы. Возможно, он там и был ранен. Или в горах погиб кто-нибудь из его друзей.

– Странно, что нам не пришло в голову проверить афганские названия. Мы считали, что это кавказское слово, обозначающее силу или волю. Два похожих слога – «чаг» и «чаран»...

– На какие деньги бывший «афганец» и сотрудник милиции открыл частное охранное агентство? – спросил Дронго.

– Их кредитовал банк «Роснефтегаза», – пояснил Романенко. – Все сходится. Он, очевидно, лично обязан кому-то из руководства компании. Теперь отрабатывает полученные кредиты.

– И много людей в агентстве?

– Человек сорок. Почему вы спрашиваете?

– Мне нужны точные данные. Адрес агентства. Где живет сам Артемьев, его биографические данные. У него есть охрана?

– Есть. Один телохранитель и водитель, выполняющий по совместительству роль телохранителя. По нашим сведениям, все его сотрудники вооружены. Есть официально оформленное разрешение на ношение оружия. Вам нужно быть очень осторожным. У вас, кстати, есть оружие?

– Есть, но я стараюсь обходиться без него. Странно, что, имея такую структуру, как агентство Артемьева, они использовали Чиряева и его людей. Гораздо легче поручить исполнение приговоров бывшим сотрудникам КГБ или МВД, чем уголовной шпане.

– Может быть, были какие-то мотивы?

– Все может быть, – согласился Дронго. – Но нужно выяснить эти мотивы. Что связывало бывшего майора ГРУ и вора в законе Чиряева? Почему Чиряев мог так легко оказывать давление на Труфилова? Что общего было у этих людей? Вы не проверяли? Труфилов и Артемьев не служили вместе?

– Проверял. Никогда не служили. Артемьев был обычным командиром роты, на западе страны. А Труфилов находился на востоке. Они никогда не встречались друг с другом. Во всяком случае, это следует из наших документов. Я думаю, что им можно доверять. На Артемьева нам выдали полное досье. Он был обычным старшим лейтенантом, и ничего секретного в его службе не было. После ранения лечился, потом пошел на службу в милицию. Будучи уже заместителем начальника РУВД, оставил работу в милиции в звании подполковника. Вышел на

пенсию по выслуге лет. Через полгода открыл свое агентство. Вот, собственно, и все. Женат. Двое детей. Более точные данные мы получим к вечеру, но, кажется, один из его сыновей работает сейчас в милиции. Могу вас обрадовать: его супруга – сотрудница научно-исследовательского института «Роснефтегаза».

– Этого следовало ожидать. Он же не сам принял решение о наблюдении за моей квартирой. И вряд ли его наняли как частного детектива. Ему дали конкретное указание, и он выполняет это указание. Остается узнать, кто дал ему такой приказ?

– Это очень рискованно, – озабоченно заметил Романенко, – вы понимаете, что его люди имеют право ношения оружия? Для вас сложно подобраться к Артемьеву. Может, лучше мне вызвать его на допрос?

– Он вам ничего не скажет, и мы только потеряем время. Давайте договоримся, Всеволод Борисович. Вы попросили меня найти и доставить Труфилова в Москву, я согласился вам помочь. Но как именно действовать, я буду решать только сам. Не беспокойтесь, постараюсь не нарушать Уголовный кодекс и действовать в рамках закона, – лукаво пообещал Дронго.

– И я должен вам верить? – улыбнулся Романенко.

– У вас есть альтернатива?

– Нет. Поступайте, как считаете нужным. Наши телефоны вы знаете. Если понадобится наша помощь, мы готовы ее оказать. Вечером я привезу вам все материалы по Артемьеву. Вы просили помощников. Я отобрал двоих. Как вы и просили – мужчину и женщину. Завтра вечером я могу их с вами познакомить.

– Спасибо. Хорошо бы они приехали по отдельности и даже не знали, что работают в одной группе.

– Хорошо, – Романенко поднялся. – У вас есть еще какие-нибудь пожелания?

– Что говорит Бергман?

– Ничего. На допросах Ахметова он улыбается. А вчера в коридоре тихо сказал мне: «Вы затеяли рискованную игру, Всеволод Борисович. Очень рискованную». Вот я и боюсь, что мы, не желая того, можем вас подставить. Когда я шел к вам неделю назад, я даже не думал, что вы закрутите такую интригу, вызвав огонь на себя.

– У нас слишком мало времени, – заметил Дронго. – За меня не волнуйтесь. И в следующий раз, когда приедете ко мне, отпустите водителя за два квартала от нашего дома, а не на соседней улице.

– Откуда вы знаете, где я его отпустил? – изумился Романенко. – Неужели вы следили за моей машиной?

– Конечно, нет. Но я так подумал. Вы опаздывали и наверняка решили сойти на соседней улице, чтобы успеть на встречу. Разве я не прав?

– Господи, – улыбнулся Романенко. – Иногда мне кажется, что все слухи о вас совсем не преувеличены. Может, мне правда не стоит так волноваться и вы действительно справитесь с невыполнимым? Я и впрямь попросил водителя остановиться на соседней улице.

Начало Амстердам. 12 апреля

Самолет продержали в аэропорту больше шести часов. Всех пассажиров переписали, всех сидевших в нашем салоне допросили, у одной женщины случилась истерика, один мальчик, по-моему, описался. В общем, все было как обычно и бывает в таких случаях. Но убийцу не нашли. На борту самолета не оказалось ни Эркюля Пуаро, ни комиссара Мегрэ, и чуда не произошло. В реальной жизни среди двухсот человек убийцу можно найти тогда, когда знаешь точно, что он двести первый. Сталинская логика, по которой следует сажать десять невиновных, чтобы не упустить одного виноватого, явно не подходит голландской полиции. С их точки зрения, лучше отпустить убийцу, который абсолютно точно находится среди пассажиров, чем причинять неудобство двум сотням ни в чем не повинных людей. Не сомневаюсь, правда, что все фамилии прибывших попали в компьютер, который будет теперь следить за передвижением каждого по Европе. Единая компьютерная сеть, разработанная для стран Шенгенской зоны, – это штука почище сталинского контроля. Достаточно где-нибудь в странах зоны совершить одно правонарушение, например, проехать на красный свет, и вы уже никогда больше не получите визу. Оказаться в списке подозреваемых в убийстве, да еще и совершить какое-то правонарушение, с точки зрения добропорядочных европейцев, – это уж чересчур. Впрочем, у них свои причуды. В бывшей Стране Советов до сих пор не могут понять, как может человек в здравом уме честно платить налоги. У каждого свой менталитет, и ради справедливости стоит отметить, что в Прибалтийских республиках налоги собираются немного лучше, скажем, чем в среднеазиатских, где они почти не собираются. Или идут в карман самим налоговикам.

Полицейские были достаточно вежливы, но чувствовалось, как их выбила из колеи очередная неприятность с «русской мафией». Несмотря на то, что убитый не был русским, а среди остальных две трети являли собой полный интернационал – от негра, говорившего по-русски лучше меня, до корейца, проживающего в Хабаровске, для европейцев мы все – «русские», как для нас европейцами – на одно лицо – являются граждане Люксембурга, Андорры и Лихтенштейна. Только вот американцев с ними не спутаешь – эта публика более бесцеремонная, шумная и напористая.

Нас допрашивали почти до вечера. Правда, разрешали пользоваться буфетом и кафе, но продержали до семи часов вечера. Особое подозрение вызывали у местной полиции мужчины, сидевшие в нашем салоне. Эксперты были уверены, что убийство совершено мужчиной, с такой силой убийца загнал нож в сердце несчастного. Рядом с убитым сидел тот самый тип, с зализанными волосами, который вышел за нами в туалет. Он уверял, что у него болел живот и он трижды выходил в туалет. Видимо, во время его отлучек убийца подошел и ударил ножом несчастного. И сразу прикрыл тело пледом. Отпечатков пальцев, конечно, не нашли. Убийца был не настолько глуп, при современных методах дактилоскопии проверить двести человек – не проблема.

Но отпечатков не было. Поэтому соседа убитого задержали, попросив его остаться для беседы с комиссаром, остальных же отпустили, переписав данные, в частности, где каждый из нас будет останавливаться. И конечно, менять адрес, который вы дали в полиции, никому не рекомендовалось. Иначе мы могли создать сами себе большие проблемы. Широкомордого, который следил за мной, тоже допрашивали. Я обратил внимание на его мощные руки – такой вполне мог ударить ножом в сердце так, что жертва и не вскрикнет. Но Широкомордого допросили и отпустили даже раньше меня. Выяснилось, что у него, кроме визы, есть еще и командировочное удостоверение, он представитель какой-то фирмы. Может, я ошибался и мне только показалось, что он за мной следит? Но вряд ли... А тот, убитый, – его напарник? Сам ли он убрал его? Или это сделал кто-то третий? Вопросов куда больше, чем ответов. Знаю только,

что голландская полиция мне немного помогла, как и это неожиданное убийство в самолете. Теперь мне не нужно ничего придумывать, чтобы сообщить моим преследователям, где именно я собираюсь оставаться во время допроса. Я говорил достаточно громко, чтобы все пассажиры могли слышать, какой адрес я называю.

Этого-то мне и нужно. Я не имею права уходить из-под наблюдения моих господ преследователей. Представляете, какая у меня сложная задача? Знать, что за тобой наблюдают, видеть, кто тебя «пасет», но делать вид, что ничего не подозреваешь. Валять дурака! Только в этом случае можно надеяться на успех моей миссии.

Меня отпустили очень поздно. Амстердамский аэропорт славится своим сервисом, но мне некогда было прохладиться в его шикарных помещениях. Я быстро вышел из аэропорта, сел в первое попавшееся такси и попросил отвезти в «Гранд-отель». Это недалеко от вокзала. Собственно, я сразу заявил, что буду жить именно в этом отеле. Там всегда останавливается много туристов из стран СНГ. Сейчас, правда, после августовского кризиса, там наверняка будет гораздо меньше гостей...

Я сижу в такси, которое везет меня в центр Амстердама. Я уже несколько раз бывал в Голландии. Как давно это было, словно в прошлой жизни. События до девяносто первого года воспринимаются теперь как совсем другая жизнь, другая эпоха. В последние годы я стал верить в разного рода гороскопы. Ведь действительно Нострадамус предугадал множество событий, которые произошли и в прошлом, и в нынешнем веке. Я всегда относился с большой долей иронии ко всякого рода предсказаниям. В конце семидесятых мне показали один из катренов Нострадамуса, где было сказано, что в «северной стране» власть захватят безбожники, и их правление будет длиться семьдесят три года и восемь месяцев. Я тогда еще посмеялся над этим «гаданием». Получалось, что Советский Союз или власть в Советском Союзе рухнет летом девяносто первого. Всем это предположение тогда казалось бредом, дикостью. Вторая сверхдержава мира, тысячи боеголовки, самая сильная в мире сухопутная армия, десятки танковых дивизий, готовых в считанные сутки оказаться у берегов Ла-Манша, самые мощные спецслужбы в мире, огромная партия, власть которой казалась безграничной, – да разве кто-нибудь в мире мог предположить, что великая империя рухнет за несколько лет! Что колосс, выдержавший стальной натиск дивизий Гитлера, сумевший восстановить свое хозяйство после такой разрушительной войны, запустивший в космос первый спутник и первого человека, – что подобный колосс окажется даже не глиняным, а бумажным. Достаточно было разрешить говорить правду весной восемьдесят девятого во время Первого съезда Советов, как через два года вся система рухнула. Рухнула, оставив под обломками миллионы человеческих судеб от Камчатки до Калининграда.

Да, как ни крути, Нострадамус оказался прав... Но он сказал еще несколько неприятных вещей, например, что в августе девяносто девятого на Париж упадет огромный метеорит. Честно говоря, я верю астрономам, которые уверяют, что таких метеоритов пока что не просматривается. Но выяснилось, что впервые за две тысячи лет все планеты Солнечной системы именно в августе выстроятся в форме креста и в центре будет находиться наша Земля. Именно летом девяносто девятого. Неужели конец света все-таки состоится? Хотя я почему-то думаю, что Париж все-таки выстоит. И человечество не погибнет. Правда, три девятки – это перевернутые три шестерки, пресловутый знак дьявола. Впрочем, и до августа мне еще нужно дожить. Я думаю, что мой крест поближе. Но даже если меня и не будет, то останутся мои родные, мать, моя дочь, и мне хотелось бы, чтобы прекрасный месяц август не принес им новых неприятностей.

Я еду и смотрю в окно такси.

Голландцы умудрились отвоевать у природы узкую полоску земли и построить на ней свою страну – страну тюльпанов. А мы, граждане бывшего Советского Союза, умудрились поте-

рять все, что имели, потерять самую большую страну в мире, разодрав ее на части и перессорившись друг с другом.

... Я поступил в политехнический, и мне нравилась моя будущая профессия. Меня назначили старостой группы. В деканате, видимо, считали, что я самый дисциплинированный студент, потому что я почти не прогуливал и хорошо учился все четыре года. А перед тем, как должен был получить диплом и назначение на работу, меня вдруг пригласили в КГБ. Разговор получился длинный. Сначала меня долго расспрашивали, потом говорили о геройских заслугах моего отца. К тому времени, когда я кончал институт, он уже серьезно болел. Сказывались его раны, да и вся нелегкая жизнь.

Но когда мне неожиданно предложили поехать на учебу в Москву, чтобы потом стать офицером КГБ, я сначала опешил. Мне казалось, что во мне нет ничего такого, что могло бы прельстить этих товарищей из нашего местного управления. Оказалось, что есть. Тут сыграла роль и судьба моего деда – латышского стрелка, и судьба отца – профессионального разведчика, который несколько лет провел за рубежом нелегалом. Я, конечно, обещал подумать, но твердо решил отказаться. Вернувшись домой, я узнал, что отца увезла «Скорая».

Домой он больше не вернулся. Операция уже не могла его спасти. В последний день я был у него в больнице. Он посмотрел на меня тем самым пронзительно-спокойным взглядом, каким иногда смотрел на людей, тихо прошептал:

– Жизнь, Эдгар, – это сложная штука. Живи так, как тебе подсказывает твоя совесть. И береги мать.

Больше он не сказал ничего. А через месяц я уже уезжал в Москву, на учебу в Высшую школу КГБ. Тогда мне казалось, что это правильное решение, что отец одобрил бы мой выбор. Уже закончив школу и вернувшись в Ригу, я начал понимать, что отец был прав. И далеко не все, что нам говорили про нашу историю, правда. Да, тысячи латышей были сосланы в Сибирь, погибли в сталинских застенках, когда маленькую Латвию «присоединили» в сороковом году. Для коммунистов это было освобождение, для националистов – оккупация. И у каждого была своя правда.

Конечно, я вступил в партию. В семидесятые годы офицер КГБ не мог не быть членом партии. Но я не просто носил при себе партбилет – исправно платил членские взносы и посещал партийные собрания, я приобретал определенный опыт, имея доступ к информации. В те годы я узнал о позорном прошлом наших националистов, запятнавших себя предательским сотрудничеством с фашистами. Для меня любой, кто работал на гитлеровскую Германию, однозначно являлся предателем своего народа. Но и коммунисты были далеко не ангелами и не всегда действовали в интересах латышей. Но нам приходилось жить и служить режиму, зная несколько больше, чем остальные советские граждане.

... В центр города мы попали только в девятом часу. Может быть, «Гранд-отель» действительно классная гостиница, но мне так не показалось. Мой номер, расположенный в новом корпусе, представлял собой маленькую комнатку, где к столику невозможно было пробраться, а окно заслоняла стена какого-то здания. Фантастическими были только цены: триста-четыреста долларов за право жить в центре города, имея не такие уж роскошные условия.

Размышления о том о сем не сбивали меня с главной мысли – я собрался идти к вокзалу. Тот, кого убили в самолете, назначил встречу на девять часов вечера. От гостиницы до вокзала ходу минут десять – можно особенно не торопиться. У меня даже осталось время, чтобы купить по дороге сэндвич с сыром, ужин мне, видимо, не светил.

Конечно, я рисковал. Я понимал, что могу глупо подставиться, скажем, вызвать подозрение у голландской полиции. Ведь я ничего не знал об убитом, о его связях. Но и сидеть в отеле я не мог. Моя «свита» обязательно появится завтра. Эти люди ни за что не оставят меня одного. Я могу оторваться от наблюдения сейчас или никогда. И я решил!

Улица, которая вела к вокзалу, как бы отсекала центральную часть города от знаменитого «розового» квартала. Вообще-то его нужно бы назвать «красным» из-за алых занавесок, которые задерживали проститутки, когда в их номер входили мужчины. Это было зрелище, быющее по нервам новичков, впервые попадавших в подобные места. Представьте себе обилие полураздетых женщин за стеклами комнат-«аквариумов», похотливых лиц. Особенно откровенно вели себя негритянки – они вертели языком, подмигивали, извивались в свете неоновых ламп, как жирные змеи в ожидании жертвы.

До начала девяностых годов жрицами любви были в основном негритянки и женщины из Индонезии. Встречались и крашенные блондинки европейского типа, спрос на которых был всегда достаточно устойчив. После развала стран так называемого соцлагеря в Амстердам ринулись тысячи «ночных бабочек» из восточноевропейских стран, что привлекало сюда толпы молодых оболтусов, которые ходили глазеть на низкопробное зрелище. Меня всегда поражала цена унижения – какие-то жалкие пятьдесят гульденов (около тридцати долларов)! За эти деньги вы могли открыть дверь, войти в комнату любой из женщин и получить от нее купленное по дешевке подобие наслаждения. То ли из-за безразличия, то ли потому, что нам нельзя было посещать такие места и я подсознательно внушил себе отвращение к представительницам второй древнейшей профессии и их дружкам-наркоманам, болтающимся в кварталах, но при одной мысли, что я могу воспользоваться их услугами, меня бросало в дрожь.

Я не был прописным ханжой. И даже дважды в своей жизни пользовался услугами проституток. Но это было в Риге и в Москве. Один раз, когда я еще учился в институте и мы поехали к кому-то на дачу, вызвав девочек «по договоренности». В другой раз в Москве, в гостинице «Россия», где девица деловито обходила все номера, ища «клиента». Позвонила и ко мне в номер, и наше недолгое общение закончилось моим грехопадением.

С трудом вспоминаю ее лицо, но помню лишь чуть расплывшееся тело и наглый взгляд. Кажется, ее звали Белла. Такие особы любят называть себя короткими именами – вроде кличек. Девица действовала с профессиональным напором. Протянула мне презерватив, а когда все закончилось, прошла в ванную и приняла душ. Да, она заранее взяла пятьдесят рублей – по советским меркам очень много – и удалилась, даже не спросив, как меня зовут. А зачем?..

Амстердамский «розовый» квартал вызывал стойкое ощущение гадливости – продажная любовь напоказ.

Вот отдернулась очередная занавеска, самец ушел, самка готова к новому совокуплению. Она похотливо потягивается.

У центрального входа в вокзал почти безлюдно. Несколько бродяжек толпятся бесцельно у дверей. Они никому не мешают, и им никто не мешает, редкие прохожие просто обходят экзотическую группу. Чуть подальше, прислонив к стене свои велосипеды, целуются молодая парочка. Наверное, студенты. Я перехожу трамвайную линию. Подхожу к стоянке такси, здесь пусто. Тоже обычная картина: машины такси ждут клиентов, не наоборот – как недавно еще в нашей стране. Впрочем, теперь их еще меньше, такси не пользуется спросом из-за дороговизны.

Гостиница «Виктория». Здесь тоже пусто. Заходи и селись. Без всякой брони или предварительной заявки от всяких могучих организаций... Ко мне так никто и не подходит. Может, и не подойдут... Снова ловлю себя на мысли, что продолжаю, как обычно за рубежом, сравнивать «их» и «наши» порядки. Теперь это неактуально, но почему-то охватывает ностальгия по старым временам. В них было все – и хорошее, и плохое. Крушение назревало давно. Но разве мы предполагали, что все рухнет так скоро и так страшно?..

Я принимаю решение подойти прямо к центральному входу. Если меня решили убить, то убьют прямо здесь, у вокзала, и никто не сможет меня защитить. Ни тут, ни в другом месте. Что-то, во всяком случае, прояснится. Я не думал, что убийства начнутся в самолете. По моим расчетам, это могло быть только в Голландии. Но я ошибся. В чем еще я ошибся?

Я вхожу в здание вокзала. Сворачиваю налево, к туристическому офису. Он уже давно закрыт. Я смотрю на билетные кассы и поворачиваюсь, чтобы выйти из здания. И тут за своей спиной слышу голос:

– Хорошо, что вы пришли, господин Вейдеманис. Мы должны обсудить с вами некую общую проблему.

За несколько дней до начала Москва. 4 апреля

Он сидел на скамейке, наблюдая за зданием. Первый этаж шестнадцатиэтажного дома занимало частное агентство «Чагчаран». Вывеска оповещала, что в доме расположено акционерное общество «Чаран». Подъезжали машины, сновали люди, по виду – деловые, мужчины в основном до сорока, иногда – женщины. Дронго подумал, что Артемьев допускает ошибку, обычную для бывших сотрудников милиции. Он вызывает всех своих людей в агентство, вместо того чтобы видаться с ними на конспиративной квартире. Но Артемьев взял за правило встречаться нелегально только с агентами, а своих служащих вызывал, соответственно, в управление.

Дронго следил за агентством уже целый день, меняя место обзора. Артемьев приехал на работу утром. Днем отъехал куда-то по своим делам. Через час вернулся. Затем в четыре часа дня снова уехал, но уже на полтора часа, и вернулся к половине шестого. В семь часов свет почти во всех кабинетах погасили, и многие сотрудники заспешили домой. Перед зданием стояли только два автомобиля: «БМВ» темно-синего цвета, принадлежавший самому Артемьеву, и джип, на котором ездил кто-то из его служащих. Примерно к восьми часам вечера Артемьев вышел из своего офиса. Высокий худощавый человек лет пятидесяти. У него были редкие седые волосы и узкие, азиатские глаза.

С ним вместе вышли водитель и телохранитель. Водитель поспешил к автомобилю. Телохранитель открыл дверцу. Артемьев сел в свой «БМВ», телохранитель занял место на переднем сиденье, и автомобиль тронулся. Буквально через несколько минут вышли из здания еще два молодых человека, подошли к джипу, достали из него несколько целлофановых пакетов. Очевидно, это были дежурные, которые оставались в здании на всю ночь, и в пакетах находилась еда и бутылки с водой. Все окна в здании, выходявшие на улицу, были темными. Только в одной комнате, рядом с входной дверью, горел свет. Очевидно, там находились дежурные.

Теперь у него уже был примерный план действий. Он встал, чувствуя, как затекли ноги. Пройдя на соседнюю улицу, он остановил такси и назвал адрес своей съемной квартиры. У его дома по-прежнему дежурили сотрудники агентства Артемьева. Приехав в свое временное жилище, Дронго шел вверх по грязной, заплыванной лестнице. Не дойдя нескольких пролетов, услышал звонок телефона в своей квартире. Он никогда не носил с собой на задание мобильный телефон, зная, что нельзя рисковать подобными вещами. Телефон мог зазвонить в самое неподходящее время. Или же выпасть в самый неудобный момент, став прекрасным ориентиром для тех, кто его ищет. И вообще Дронго считал, что в опасных ситуациях телефон может только помешать.

Кто мог звонить ему по городскому телефону? Кроме Романенко, номера не знал никто. Дронго быстро открыл дверь, вошел в комнату и снял трубку.

– Здравствуйте, – с явным облегчением сказал Романенко, – я уже думал, что с вами что-то случилось.

– Нет. Я оставил свой мобильный телефон дома.

– Слава богу. Я звоню уже несколько часов. Когда мне прислать своих людей?

– Вы им дали адрес?

– Конечно. Как вы и просили. Я собираюсь отправлять их по одному. Они ждут моего звонка. Кого первым?

– Давайте начнем с дамы. Все-таки достаточно поздно, а ей потом одной возвращаться домой.

– Это не такая дама, которая боится вечерних прогулок, – засмеялся Романенко. – Сейчас я ее к вам пошлю. Следующий сотрудник подойдет к десяти часам вечера. Вас устраивает такой график?

– Конечно. Они незнакомы друг с другом?

– Почти нет. Возможно, встречались, но вряд ли. Она из милиции, из группы сотрудников МВД, которые прикомандированы к нам, а он из технического отдела. Золотой специалист. Может сделать все, что вы скажете. Подключиться к любому телефону. Хотя я официально вас предупреждаю, что это незаконно, – полушутливо напомнил Романенко. – Нет, я не думаю, что они контактировали. Хотя наверняка слышали друг о друге. С нашей группой работает около сорока человек.

– Прекрасно. Тогда я жду вашу даму.

Он положил трубку и взглянул на часы. Девятый час вечера. Дронго с отвращением оглядел свое временное жилище. Привыкший к порядку, он с неудовольствием замечал плохо приклеенные обои, тусклый свет грязной люстры, старую, местами потертую и поцарапанную мебель. Его устраивало местоположение квартиры, район, но жить здесь долго он бы не смог. Главное, с чем он не мог примириться даже временно, – это постельное белье. Он сам купил себе комплект в итальянском магазине и пользовался только им. Посуда на кухне тоже была его, а не хозяйская.

Через двадцать минут в квартиру позвонили. В «глазок» двери он увидел женщину лет тридцати пяти, с коротко стриженными светлыми волосами, несколько длинноватым носом, маленькими темными глазами, щелкой узкогубого, неженского рта. Почему-то он ждал красавицу и в душе посмеялся над своим нелепым эстетизмом. Ведь ему нужен профессионал, а не фотомодель. За дверью стояла сотрудник милиции, и это чувствовалось в каждом ее движении, в манере держаться. И все же, решил он, можно было прислать сотрудника с более женскими чертами лица. Но, когда он открыл дверь, у него было непроницаемое лицо.

– Добрый вечер, – голос у женщины оказался под стать внешности – резкий, бьющий по нервам.

– Здравствуйте. – Он посторонился, чтобы пропустить даму в квартиру.

– Я пришла от вашего знакомого, – сказала она, и Дронго подсознательно отметил, что она не назвала фамилии. Это было явным плюсом в ее актив. Стоя на пороге, она ждала, что он ответит.

– Я вас жду, – коротко сказал Дронго, приглашая гостью войти.

Женщина вошла в коридор, сняла свой утепленный плащ, повесила на вешалку и прошла в комнату. Темный костюм – юбка сильно за колено – и темная же водолазка, как ни странно, шли ей. В довольно большой сумке, висящей через плечо, она наверняка хранила свое оружие.

– Я Галина Сиренко, – представилась женщина.

– Очень приятно. Вам, очевидно, сказали, что нам предстоит совместная работа? – начал Дронго.

– Сказали, – подтвердила она, оглядывая комнату. Обстановка ей явно не нравилась, и это отразилось на ее лице.

– Я здесь только снимаю квартиру, – пояснил он, – садитесь, пожалуйста, на стул. У меня к вам несколько предварительных вопросов.

Положив сумку рядом с собой, она приготовилась отвечать.

– Сколько вам лет?

– Тридцать четыре.

– Сколько времени вы работаете в милиции?

– Одиннадцать лет, – ответ прозвучал как некий вызов, и он это почувствовал.

– Все время на оперативной работе?

– Последние восемь лет – да.

- Давно вы работаете с группой Всеволода Борисовича?
- Больше десяти месяцев. – И снова в ее словах почувствовался то ли вызов, то ли намек на то, что его вопросы слишком примитивны.
- Приходилось стрелять?
- Два раза. Один раз я ранила убежавшего преступника, – сухо сообщила она. – Но мне кажется, вас должны были ознакомить с моим личным делом.
- Разумеется. Но мне интересно разговаривать непосредственно с человеком, с которым я буду работать. Вы замужем?
- Это тоже нужно для нашей работы? – Она не улыбнулась, просто спросила.
- Если бы не было нужно, я бы не спрашивал.
- Разведена. Шесть лет назад. Детей нет. Родители живут в Туле.
- Вы работали в уголовном розыске?
- Сначала в дежурной части, потом, после окончания института, меня взяли на работу в уголовный розыск. Больше приходилось встречаться с нелегалами. – Дронго знал, что так в милиции называют сотрудников, внедренных в среду преступников.
- Вы работали с агентурой?
- У нас не принято распространяться на этот счет. Но если вам нужно, я отвечу. Да, работала.
- Вы знаете, зачем вас сюда прислали?
- Меня проинформировали коротко. Я обязана вам помогать. Помогать во время ваших поисков Труфилова. Так сформулировал для меня задачу Всеволод Борисович.
- Хорошо. – Дронго встал. – Хотите чаю?
- Что? – удивилась она.
- Вы ведь, наверно, еще не ужинали. У меня нет особых разносолов, но горячий чай и бутерброды я охотно сделаю.
- Она чуть усмехнулась. Впервые с того момента, как вошла в эту квартиру.
- Спасибо.
- Можно мне называть вас Галиной? – спросил Дронго.
- Она кивнула. Он прошел на кухню и, пока возился с бутербродами, вдруг обнаружил, что она смотрит на него.
- Я помогу вам?... – предложила она.
- Сегодня вы у меня в гостях. А с завтрашнего дня я буду вас эксплуатировать, – усмехнулся Дронго.
- Через десять минут они вновь сидели в комнате, и Дронго излагал ей свой план на завтрашний день. Галина внимательно слушала.
- Завтра я попытаюсь проникнуть в агентство «Чагчаран» и попытаюсь заставить Артемьева рассказать мне, кто именно поручил ему слежку за моим домом. Я почти наверняка убежден, что он не скажет всей правды или вообще не захочет говорить. Если точны сведения, которые мне передали о нем, этот человек упрям, вспыльчив и взбалмошен. Добавьте сюда его службу в Афганистане и работу в милиции. Полагаю, он не красная девица, которая при виде моего пистолета грохнется в обморок. Но именно на этом я и построил свой расчет... Он наверняка откажется говорить. Более того, попытается оказать сопротивление или вызвать охрану. Я продумал все до мелочей. Спасибо Всеволоду Борисовичу, он любезно снабдил меня картой местности вокруг здания. Поэтому моя задача – не столько получить сведения у Артемьева, сколько его разозлить. Устроить неудачную попытку шантажа и постараться уйти живым.
- Рискованный план, – пробормотала Галина, – вы серьезно рискуете.
- Зато очень действенный. Как только моя попытка сорвется, первое, что он должен сделать, – это позвонить и сообщить о нападении. Он обязательно должен сообщить о моей неудачной попытке узнать у него имя заказчика. Вот на этом и строится мой план. Мне нужно,

чтобы вы завтра вытащили из его машины водителя и телохранителя. Хотя бы на несколько минут. Сумеете?

– Думаю, что да. Но мне понадобится машина.

– Я уже говорил с Романенко. Завтра утром они выделяют вам служебные «Жигули» с частными номерами. Что-нибудь еще?

– Почему вы уверены, что он вам не скажет правды? Ведь у вас будет оружие?

– Нужно знать такой тип человека. Он скорее умрет, чем уступит силе. Я обратил внимание, что всех своих сотрудников он вызывает в агентство, предпочитая беседовать с ними лично. Этот человек верит только в свою силу. Он получил ранение в Афганистане, работал в милиции заместителем по политической части, привык иметь дело со своими подчиненными. Хитросплетения оперативной работы ему даются гораздо труднее. Когда он вынужден был заниматься оперативной работой, то проявлял гораздо меньше рвения, чем во время проверок вверенных отделов.

– А если он все-таки скажет правду? Человек может меняться под дулом пистолета.

– Тогда вообще нет никаких проблем. Я сразу узнаю то, для чего и придумал всю операцию. Но я уверен, что он не скажет. А если даже скажет, то соврет. Но если случится невероятное и он признается, то и тогда первым делом позвонит своим заказчикам. На этом строятся все варианты моего плана.

– Вы собираетесь подключиться к его мобильному телефону? – поняла Галина.

– Собираюсь. И думаю, что он обязательно позвонит, чтобы сообщить о случившемся.

– Я все поняла, – кивнула она, – давайте обговорим детали.

Он достал карту с подробным планом местности, и они склонились над ней. Через полчаса она ушла. Еще через полчаса к нему снова позвонили. На этот раз на пороге стоял невысокий крепыш лет двадцати пяти. У него были сильные рабочие руки, немного приплюснутый нос, широкая улыбка, большой покатый лоб, уже начинающий лысеть, короткая стрижка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.